

Алёна Аворус

Взахлёб
Невыдуманные истории

Алёна Аворус
Взахлёб.
Невыдуманнные истории

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18512130

ISBN 9785447475284

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Взахлёб – это азартно, увлечённо, упоённо, страстно. Именно так живет героиня этой книги. Невероятные, яркие, смешные, нелепые и смертельно опасные события происходят с ней с самого раннего детства. Безудержное веселье и дикий ужас, всепоглощающая любовь и жестокая месть, щемящая жалость и звериная ярость – все есть в этих невыдуманных историях. Книга написана в форме отдельных рассказов, повествование в которых ведётся от первого лица.

Содержание

Бабочка	7
Горшок	10
Карандаш	12
Варенье	14
Ковёр	16
Заросли	19
Котята	21
Маньяк	25
Топорик	28
Белый	30
Дылда	33
Знахарка	38
Дыня	40
Тимка	42
Кардинал	47
Лягушка	49
Трамплин	51
Спектакль	55
Профессор	59
Карус	61
Море	66
Гурам	71
Скорпион	73

Пиво	76
Сосны	78
Колючка	80
Шторм	82
Банан	84
Рица	86
Мушмула	88
Подарок	99
Олимпиада	103
Аза	106
Поход	109
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Взахлёб

Невыдуманнные истории

Алёна Аворус

Иллюстратор Александр Звенигородский

Дизайнер обложки Александр Звенигородский

© Алёна Аворус, 2017

© Александр Звенигородский, иллюстрации, 2017

© Александр Звенигородский, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4474-7528-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Моим родным и близким с любовью посвящается

Бабочка

Было лето. Второе лето в моей жизни. Мы с бабушкой гостили в городе Великий Устюг у её мамы. У прабабушки был частный дом с небольшим садом. Хотя мне уже исполнилось полтора года, я не говорила. Ни одного слова – ни мама, ни папа, ни дай. Вообще не разговаривала.

И вот одним ранним утром я проснулась, пока все ещё спали. Оделась и тихо вышла. Сад был заросший. Тропинка, а по бокам до забора сплошь трава и дикие цветы.

В саду я увидела бабочку – яркую-яркую, жёлтую. Она порхала с цветка на цветок. Мне стало очень интересно, захотелось её рассмотреть. Я побежала за лимонницей, а она взлетела. Тогда я протянула к ней ладошку, но бабочка не села на руку. Она опустилась на одуванчики, такие же жёлтые как она сама.

Надеясь её приманить, я сняла с себя розовую кофточку. Кофта ещё ярче цветов, может, понравится она?

– Баба-либа, сядь на кофу!

Но лимонница всё ускользала, мои уговоры на неё не действовали...

На крыльцо вышла моя бабушка. Она вдруг всплеснула руками и убежала в дом, созывая всех:

– Идите, идите, скорее! Алёнушка заговорила!

С этого дня я начала говорить. Совершенно по—взросло-

му, целыми фразами, неожиданно по-московски «акая».

Жёлтая бабочка осталась у меня в памяти как самая неисполнимая мечта. Ничего и никогда в детстве мне не хотелось так сильно, как подержать её на ладони.

История эта получила неожиданное продолжение через несколько десятков лет, совсем недавно.

Мы с братом, его женой и племянниками были в деревне. Жарким летним днём поплыли кататься на моторной лодке. Причалили к песчаному берегу, чтобы искупаться.

Я выпрыгнула из лодки первая. Прямо передо мной на песке сидел красный адмирал. Очень редкая бабочка. Давно я таких красавцев не видела. Адмирал открывал и закрывал свои невероятные крылышки, на черном фоне которых светились ярко-алые и белые полосы.

Захотелось рассмотреть его поближе, и я стала осторожно подкрадываться. И вдруг, сама не зная почему, протянула руку как в детстве. А адмирал взлетел и сел мне прямо на ладонь. Устроился и раскрыл крылышки: смотри, любуйся!

Сидел он долго. Я и племянникам показала, и держать устала. Адмирал всё шевелил усиками и не улетал. А когда взлетел, то покружился и сел мне сначала на лоб, потом на плечо. Так и порхал, порхал вокруг меня, пока мы не уплыли.

Все случилось точно, как в моей детской мечте – протянула руку, и адмирал прилетел. Если чего-то очень сильно хочешь, так и случается рано или поздно. Иногда через мно-

го-много лет, вдруг садится тебе на ладонь бабочка. Гораздо красивее той, о которой мечталось...

Горшок

Почему-то в детстве я была ужасной задирой. Пользовалась тем, что была рослой не по возрасту. Била своих двоюродных братьев при каждом удобном случае. И старшего, и младшего. Старшему доставалось даже больше: мы с ним виделись весь год, а с младшим – только летом.

Летом мы снимали вместе дачу в Конаково: мои родители и мамин младший брат с семьёй. Все жили в одном деревянном двухэтажном доме. Двери наших комнат выходили в коридор напротив лестницы.

Я не помню, из-за чего мы повздорили, только прекрасно помню, как я надела своему двоюродному брату на голову горшок. Сверху ещё и кулаком стукнула.

Детские горшки в то время были как кастрюли: металлические и эмалированные. Такой округлой формы, к горловине сужающиеся, словно деревенские чугунки. Горшок на голову оделся хорошо, а снять его обратно – уши мешали.

Брат как начал реветь! Я попыталась горшок снять – он ещё сильнее залился плачем. Испугавшись, я спряталась под лестницей в коридоре. Прибежали его родители, начали снимать горшок, но ничего не получалось.

Дядя стал по коридору бегать, меня искать:

– Где эта маленькая разбойница?! Ох, попадись она мне!

Я от страха под лестницей почти в пол вжалась. Сердце

стучало, как бешеное, в ушах звенело, перед глазами плыли круги. Сидела там и дрожала, как заяц, боялась шелохнуться. А дядя уже к моим родителям бросился:

– Вырастили бандитку, хулиганку, что творит! Ничего себе девочка!

Как ни пытались, но ни мои папа с мамой, ни дядя с тётёй снять горшок с головы так и не смогли. Отвезли, в конце концов, брата в больницу и сняли там. С тех пор нас одних играть не оставляли.

Я-то прекрасно помню, как дрожала от страха под лестницей. А дядя мой, что он бегал с криком:

– Где эта бандитка!

Горячо отрицает:

– Не мог я этого кричать про такую хорошую девочку...

Карандаш

В нашем роду много людей, художественно одаренных, даже довольно известных. Мои родители тоже надеялись, что у меня откроются способности к рисованию. С самого раннего детства мне в огромном количестве покупали альбомы, карандаши, мелки и краски.

Я прекрасно его помню, этот жёлтый карандаш. Он так и стоит у меня перед глазами. Взяла я его, засунула в ухо и стала крутить. И вдруг раздался такой оглушительный хруст. Карандаш остался у меня в руке, а обломок грифеля – в моем правом ухе.

И так страшно этот грифель хрустел и шуршал, словно какой-то жук перебирал лапками. Мне и слушать этот хруст было противно, и признаться родителям страшно. Что бы я им сказала?

– Зачем ты карандаш в ухо засунула?

– Сама не знаю...

Я пыталась грифель ногтями подцепить, но только дальше его проталкивала. Так глубоко он забился, что даже и пальцем стало не достать. Сразу в ухе у меня зашумело и затикало, как часы. Тут уж я перепугалась и побежала к родителям признаваться.

Был вечер воскресенья, все поликлиники давно закрылись. Родители поймали такси и повезли меня в дежурную.

Там врач посмотрел и удивился:

– Надо же так в ухо грифель затолкать!

Хватал, хватал пинцетом, так и не вытащил. Родители уже стали в панику впадать, а у меня температура начала подниматься.

Из дежурной поликлиники повезли меня на машине «скорой» в Морозовскую больницу. А там совсем древний профессор нас встретил. Взял щипчики и сразу как-то вытащил. Подал мне этот жёлтый грифель:

– Это вам на память, сударыня!

Совсем недавно я случайно увидела ролик, как мужчине где-то в Америке доставали из уха мотылька. Мне сразу так плохо стало, и ноги подкосились. Вспомнила, как грифель у меня в ухе шуршал и хрустел.

Варенье

Бабушка умела варить замечательное варенье. Особенно из клубники. Сами ягодки были внутри кислые, а сироп сладкий.

Когда мы снимали дачу в Конаково, бабушка варила варенье всё лето. Оно было черничное, малиновое, яблочное, из крыжовника с листьями вишни и, конечно же, восхитительное клубничное.

Самым моим любимым лакомство в то время был «сладкий хлеб». Делали его так: кусок батона намазывали сливочным маслом, а сверху клали варенье. Съесть такой бутерброд и не «нарисовать» себе усы из варенья было для меня делом просто невозможным...

Мы бегали на улице с утра и до вечера. Быстро поели, что-нибудь с собой схватили, и опять гулять. Кто яблоко, кто печенье, а кто и конфету жевал. Словом, у кого что было.

Как-то раз я вышла на улицу со «сладким бутербродом». Шла, кусала его на ходу. Вдруг почувствовала, что кто-то сел мне прямо на усы из варенья. Я подумала, что это муха и придала её пальцем. А она как укусит! Это была совсем не муха, а огромнейшая оса.

Я от боли даже бутерброд свой выронила. Никогда ещё в жизни меня не кусали ни пчёлы, ни осы. Заревела, слёзы полились градом. А губа как огнём запылала...

Пока я до дому бежала, губа моя всё раздувалась и раздувалась. Такая огромная плюшка образовалась, что даже нос заткнула. И говорить я не могла, и дышала еле-еле.

Бабушка мне сделала компресс из чая с подорожником, опухлость меньше стала, сразу нос освободился. Но разговаривать нормально я ещё дня два не могла – попробуй, поговори, когда у тебя верхняя губа не шевелится.

Наверное, этот укус подействовал на меня как прививка. Никогда у меня больше ничего так не раздувалось, хоть и кусали меня осы потом частенько...

Ковёр

Моё раннее детство прошло в коммунальной квартире. Комната у нас была маленькая, народу жило много – особо не разбежишься. Зато коридор и кухня были огромные. По коридору мы, с соседским мальчишкой, катались на трехколёсных велосипедах.

Жила у нас в квартире одна старушка, и все дети её очень боялись. Нос у неё был крючком, глаза навывкате, и она ими так страшно сверкала. Мы её прозвали Бабой-Ягой. Как видели Ягу в коридоре – сразу бежали в комнаты прятаться.

Кот у соседки жил огромный, чёрный. Зимой она его из комнаты не выпускала, а летом увозила в большой корзине на дачу. Все в квартире говорили:

– Кот у неё разбойник.

Почему он разбойник, нам было не понятно. Мы думали, что это Кот Баюн. Старушка, видя наш ужас при её появлении, всегда нас дразнила:

– Ох! Опять вчера всю ночь по небу летала!

Нам и страшно, и интересно.

– Есть у меня ковёр-самолёт. Если будете себя хорошо вести, то возьму и вас полетать. А кто не слушается, того я превращаю в больших черных тараканов!

Как нам хотелось полетать на ковре! Обещала, обещала нам Баба Яга на ковре полетать, но так с собой и не брала.

Мы уже верить перестали:

– Может, и нет у неё никакого ковра?

Однажды, когда мы почти разуверились, она подвела нас к своей двери, приоткрыла:

– Вот он, мой самолёт!

Ковёр как ковёр, лежал на полу, ничего волшебного в нём заметно не было.

В ванной все стирали строго по очереди. Мы дождались, когда Баба Яга пойдёт стирать, и решили испытать ковёр. На кухне как раз тоже никого не было.

Одна из соседок у нас была очень экономная, покупала куриные желудки, которые называла «пупки». Когда она начинала варить в большой кастрюле эти пупки, все затыкали носы и разбегались с кухни.

Мы с соседским мальчишкой прокрались в комнату, остальные толпились у двери. Только мы сели на волшебный ковёр, как из-под кровати выскочил котяра. Он был огромный, абсолютно чёрный, глаза горели красным огнём. Как зашипел на нас!

От страха мы пулей вылетели из комнаты, и дверь настежь. А кот за нами. Все неслись в ужасе по коридору:

– Спасайтесь! Сейчас разорвёт нас Баюн!

Котяра же на кухню свернул и сразу на плиту прыгнул. Пупки ещё нагреться не успели. Он кастрюлю опрокинул и стал их заглатывать, а сам лапы расставил и рычал. Шипел, кусался, никого не подпускал. Так и съел все пупки.

Вскоре мы переехали. Но эти страшные красные глаза из-под кровати долго мне ещё снились...

Заросли

Когда мне было шесть лет, мы переселились в новостройку на самую окраину. За дорогой начинался подмосковный лес, где ещё росли земляника и грибы. В лесу протекала маленькая речушка со смешным названием Пономарка. Она была как ручеёк – глубина везде по колено.

Я научилась читать в четыре года и, к тому времени, прочла уже много интересных книг. Особенно меня поразило «Затерянный мир» Конан Дойля. Мне часто представлялось, что я путешествую в тропических лесах: по прекрасным и диким местам.

Как-то летом компания бабушек с внуками отправилась погулять в лес. Мне очень нравилось играть около речки. Хотя бабушка мне строго запрещала разуваться и заходить в грязную воду, но в тот раз, улучив момент, я сняла сандалии и, по колено в воде, отправилась вверх по течению.

Чем дальше я удалялась от дороги, от криков детей, бегающих на лужайке, тем таинственней становились заросли вокруг. Я не заметила, как забрела так далеко, что вокруг наступила какая-то невероятная, немислимая тишина. У меня даже дух захватило от странных чувств – радости и страха одновременно.

Лучи солнца еле пробивались сквозь густые ветки, какие-то выющиеся растения свисали с деревьев, летали неве-

роятно яркие бабочки и огромные стрекозы. Лес по берегам был совершенно непроходимым: сплошной бурелом, опутанный выюнами. Возникла полная иллюзия, что я в тропических дебрях Амазонки, а не в подмосковном лесу.

Дом, лес, другие дети были где-то совсем далеко. Так далеко, что казались призрачными и нереальными. Реальным был только этот волшебный и дикий мир, окружавший меня в звенящей тишине.

Тут раздались голоса. Меня хватились и стали искать. Иллюзия исчезла, я быстро побежала обратно. Бабушка меня отругала и не разрешила больше убежать с полянки.

А зря. Может быть, я позвала бы всех с собой. И тогда дети и бабушки, сняв обувь, тихо прошли бы по колено в воде вглубь зарослей и оказались бы в моём волшебном мире...

Котята

Наш дом был кооперативный, люди в нём жили благополучные. А в окрестных домах, наоборот, жили семьи очень разные. Много было таких, где родители не следили за детьми: были алкоголиками. В этих домах подрастали компании настоящей дворовой шпаны.

Особенно опасными хулиганами считались мальчишки из двенадцатого дома. Они часто приходили поиграть на пустыре и всегда подбивали наших на всякие недобрые выходки.

У нас в доме был подвал, который первое время совсем не запирался. Мальчишки любили бегать по подвалу и прятаться между труб. В подвале уже успели поселиться кошки. Жильцы считали этих кошек почти домашними и скармливали им объедки.

Однажды я гуляла на улице и увидела, что большие ребята вынесли из подвала котят. Котята были уже подросшие, с открытыми глазами. Они пищали и вырывались. С нашими ребятами шёл один известный хулиган из двенадцатого дома. Он нашёл какую-то большую жестяную банку, высокую, как ведро, и протянул ребятам:

– Давайте мы их посадим в банку.

Мальчишки и рады стараться. А котята запищали и полезли в разные стороны из этой банки.

– Быстрее! Налейте туда воды и посмотрим, умеют ли они плавать!

И сам хохотал, и наши мальчишки за ним. Хохоча, они побежали к пожарному крану и налили в банку воды. Котята ещё сильнее замяукали и, уже мокрые, снова стали пытаться выбраться.

Я поняла, что дело плохо, закричала нашим мальчишкам:

– Перестаньте котят мучить, отпустите их немедленно и назад в подвал отнесите!

А вместо них мне ответил хулиган:

– Цыц, сикильдявка, дуй отсюда, а то получишь!

У мальчишек на пустыре был разведен костёр, они хотели патроны взрывать. Хулиган им скомандовал:

– Несите банку сюда! Давайте из этих котят суп сварим!

Наши мальчишки взяли банку с котятами, принесли её к костру и поставили на огонь.

При виде этого меня охватила какая-то дикая, нечеловеческая ярость. В бешенстве я схватила с земли отрезок тонкой металлической трубы. Совершенно не чувствуя страха, побежала к костру, захлёбываясь слезами:

– Ах вы, фашисты!

Первым делом я скинула с огня банку, где пищали котята. Потом начала этих мальчишек разгонять. Они были большие, лет десяти. Но я била их куда попало со всей силы трубой: по спине, по ногам.

Видимо, я была ужасна, потому что они разбежались, кри-

ча:

– Совсем бешеная!

Расправившись с мальчишками, я побежала скорее собирать котят. Они мокрые, грязные, но живые ползали у костра: вода ещё не успела нагреться. Я собрала их всех и держала в руках: не знала, что с ними делать. А мальчишки набрали на пустыре засохшей глины и стали кидаться в меня издалека, потому что близко подойти боялись.

Когда котята обсохли немного, они опять полезли в разные стороны. То один вырывался, то другой. Поймала я одного, самого шустрого, только подняла голову – вдруг: бам! Огромный кусок сухой глины с мелкими камушками ударил мне в лоб и разбил бровь. Сразу потекла ручьём кровь. Я заревела, как сирена, мальчишки от страха понеслись кто куда. А Вовка, автор меткого броска, на пустырь убежал и спрятался в бурьяне.

Откуда ни возьмись, столько народу сразу набежало: моя бабушка, родители мальчишек, девочки большие и даже тёти из соседнего дома. Котят, героически спасённых, сразу же всех разобрали. Меня бабушка увела кровь останавливать. А Вовкин папа вышел на балкон с ремнём и грозил в сторону пустыря:

– Ну, только приди домой, три шкуры спущу!

Вечер уже наступил, а Вовка домой идти боялся, прятался в бурьяне. Мне так жалко его стало: представила, как он сидит голодный в темноте на пустыре. Пошли мы с бабушкой

к Вове домой. Я, как раненый боец, с головой в бинтах, стала Вовкиного папу просить:

– Не порите сына ремнём. Он не хотел мне в лоб попасть, так случайно вышло. Я его тоже железной трубой била!

Посмотрел его папа на меня, только хмыкнул. Потом вышел на балкон:

– Иди домой, не буду пороть!

На следующий день встретил меня Вовка на улице:

– Я теперь тебя тоже защищать буду. Только скажи, любого побью!

Лоб быстро зажил, но метка на всю жизнь осталась. Одна бровь у меня ровная, а на другой волоски пучком на месте шрама вверх торчат. Муж так и говорит:

– Ты у меня – девочка со шрамом!

Маньяк

Я родилась в декабре, и в школу в шесть лет меня не взяли.

– Не мальчик, в армию не идти, куда торопиться, пусть ещё погуляет.

Все мои одноклассники ходили в школу, делали уроки и стали меньше гулять на улице. Так я подружилась с девочкой Олей, которая была на полтора года младше.

Зимой всегда темнело рано. Мы с Олей катались на санках с маленькой горки у дома, прямо на самом краю пустыря. Пустырь был огромный, дальше шла высоковольтная линия, и только за ней начинался обжитой микрорайон, где были магазины и освещённые улицы.

Катались мы, катались. Вдруг из темноты над пустырём появился какой-то мужчина:

– Девочки, хотите конфет?

Ходили слухи о злых дядях и тётях, которые похищали маленьких детей. Мы шёпотом пересказывали их друг другу, делая «страшные глаза». Но сами мы в них, конечно, не верили. Я тоже не верила. Но однажды мама подозвала меня к себе и сказала:

– Никогда не бери конфеты у незнакомцев. Особенно, если будут звать тебя пойти с ними. А если они не отстанут, кричи.

Конфеты я вообще не любила, и сразу вспомнила, что мне

мама говорила. А Оля обрадовалась:

– Хочу!

У меня санки были новые, с красивой алюминиевой спинкой. Оле же достались старые санки: без спинки. И вот этот дядя схватил мои новые санки и подвёз их к Оле:

– Садись, сейчас поедem в магазин через поле, и там мы купим тебе конфет!

Я ужасно разозлилась. Просто вскипела, как чайник. Мало того, что он предлагал конфеты, а у самого их не было, так он ещё и мои санки взял. Я вцепилась в спинку своих санок и закричала:

– Не отдам!!!

– Садись тоже на санки, я и тебе конфет куплю!

Дядя-обманщик подбежал ко мне и стал тянуть за рукав. Я вырвала у этого дяди свой рукав и за лопаткой кинулась.

Раньше детские лопатки были не такие, как сейчас. Добротная железная лопатка на деревянной ручке, почти как сапёрная. Я любила строить домики из снега и рыть пещеры в сугробах, и всегда с собой на улицу брала лопатку. Вот и тогда она у меня лежала рядом с горкой.

Я схватила свою лопатку и быстрее побежала назад, на бегу ею размахивая:

– Отдавай мои санки!!! А то я как лопаткой стукну и бабушку позову!

А дядя тем временем санки с Олей в темноту тянул, и даже не смотрел на мою лопатку. Тогда я закричала изо

всех сил:

– Бабушка!!!

Дядя как-то странно съёжился, голову в плечи втянул, санки бросил и исчез в темноте. Тут и бабушка из подъезда выбежала, но не моя, а Олина.

Много лет потом по нашему дому ходила история, как я Олю от маньяка спасла и чуть лопаткой его не зарубила.

Топорик

Это было последнее лето перед школой. Мы снимали дачу на Волге, в Конаково. Плавать я не умела, купалась на мелководье, где можно было «ходить руками по дну».

Мы жили с бабушкой, а по выходным к нам приезжали мама и папа.

Как-то в один из таких выходных мы отправились купаться. Папа решил меня учить плавать на глубине. Там было довольно глубоко, мне выше головы. Я била руками и ногами, пытаюсь плыть. Он поддерживал меня руками, сцепив их кольцом:

– Плыви, плыви, я тебя держу!

Я не помню, сказал папа что-то или нет, но он меня вдруг отпустил. Поняв, что меня больше не поддерживают, я даже не сделала попытки бить руками и плыть. Просто ровно и гладко легла на дно, пошла под воду «топориком».

Очень хорошо помню, что я не задыхалась, мне не было страшно. Просто лежала на дне и всё.

Субъективное время остановилось. Вдали колыхались водоросли. Подо мной был мягкий речной песок. Сквозь желтоватую волжскую воду пробивалось солнце. Мне казалось, что прошло уже несколько часов, а я всё лежу в этой мутной дрёме.

Перепуганный папа вытащил меня из воды, отнёс быст-

рее на берег. Подбежала мама, они вдвоём стали меня трясти и тормошить, боясь, что я наглоталась воды. Как ни странно, этого не случилось. Очень удивительно, почему я «затонула», не глотнув воды. Обычно, если у человека в легких воздух, он держится на поверхности.

Папа потом меня спрашивал:

– Почему ты не стала бороться? Нас так в деревне учили плавать большие мальчишки. Заносили малышкой на глубину и бросали: плыви. Я от тебя такого не ожидал. Думал, сразу поплывёшь! Так хорошо руками и ногами гребла! А ты что?

– Сама не понимаю...

Этот мой «топорик» до сих пор легенда нашей семьи. После этого случая папа уже никого так не учил плавать: ни младшего брата, ни внуков.

Белый

Впервые мы уезжали с дачи в конце августа. Нужно было готовиться к школе. В день перед отъездом мы с бабушкой решили напоследок сходить за грибами.

Ходили, ходили. Набрали по полной корзине, но ни одного белого нам не попало. Бабушка сокрушалась:

– Неужели на прощанье ни одного белого гриба бор нам так и не подарит?

Все наши любимые местечки мы обошли по нескольку раз: и противопожарные пахоты, и тропинки, и заветные бугорочки. Нет белых грибов – и всё тут!

Уже и сумерки начались, а я бабушку всё упрашивала:

– Ну, ещё немного! Давай, походим ещё чуть-чуть!

Так мне хотелось найти белый гриб! Я его прямо как наяву представляла: такой плотный, ароматный, настоящий боровик...

Когда стало уже почти темно, мы вышли на край бора, где фонари, скамейки и танцплощадка. Танцплощадка была в бору самая простая: круг между деревьями. Но уж землю там утоптали так, что она стала тверже асфальта.

Мы шли мимо танцплощадки, и я увидела прямо в центре какой-то бугорок. Мне стало интересно:

– Кто это смог такую твердь пробить? Может быть, это крот? Или корень сосны?

Я подошла к бугорку, слегка его раскопала и увидела под землей что-то ослепительно белое. Начала копать дальше, а это – гриб! Белый гриб, в прямом смысле этого слова! Это оказался настоящий белый, только полностью подземный, как какой-нибудь трюфель.

До самой темноты мы выкапывали гриб: огромный, твердый, как камень, боровик. Не зря, видимо, он мне так ярко представлялся...

На следующий год, как только пошли грибы, мы снова с бабушкой отправились на танцплощадку. И нашли! Да не один, а сразу несколько подземных грибов.

Все удивлялись:

– Откуда вы таких белых берёте?

Я честно отвечала:

– Собираем на танцплощадке.

– Какая внучка у вас фантазёрка! Не могут грибы расти на танцплощадке, там земля как асфальт!

А мы с бабушкой в ответ только улыбались и хитро переглядывались.

Дылда

В нашем роду все женщины высокие. Моя бабушка была практически выше всех сверстниц, мама тоже выдалась ростом. Так что у меня изначально были все задатки стать акселераткой. Среди разновозрастной дворовой компании я особо не выделялась, о своем росте не задумывалась, пока не пошла в первый класс.

На торжественной линейке в честь первого сентября учительница расставляла первоклашек по росту в обратном порядке. Самых маленьких вперёд, тех, кто повыше – назад. Меня она поставила самой последней.

Я с удивлением обнаружила, что выше всех одноклассников почти на голову. И когда учительница подводила меня к концу строя, чья-то мама ахнула:

– Ну и дылда!

Все захихикали и стали оглядываться. С тех пор на переменах до меня долетал шепоток:

– Смотри, смотри! Вон пошла дылда...

Наконец мне эти насмешки надоели. Я выбрала подходящий момент, когда в классе все уже сидели за партами, а учительницы ещё не было. Выйдя к доске, я громко сказала на весь класс:

– Если ещё кто-то хоть раз назовёт меня дылдой, то получит в глаз!!!

И показала всем кулак. Кулак мой возымел своё действие. Дразниться перестали. Все, кроме Игорька.

В драке против меня шансов у него не было, поэтому он действовал подло: прятался в мужском туалете и кричал из открытой двери:

– Дылда, дылда!

В конце концов, эту сцену застала учительница. Она вызвала родителей Игорька, и он присмирел.

В нашей школе был кружок танцев. Всех первоклашек отправили на прослушивание. Тех, кто смог прыгать по кругу под музыку, попадая в такт, стали учить танцам. Игорька в кружок не взяли.

Приближался Новый год. В нашей школе готовился традиционный концерт. Все кружковцы разучивали какой-нибудь танец. Почему-то было так принято, что танцевальные пары образовывались только из ровесников. Перwokлашки с первоклашками и так далее. Из всех первых классов нашёлся только один мальчик, Серёжа, подходящего для меня роста.

Он был слегка полноват и неповоротлив. Поэтому нам дали самый простой танец: «Мишка с куклой». Танцевать нужно было под незамысловатую песенку:

– Мишка с куклою громко топают, громко топают: раз, два, три! И в ладоши громко хлопают, громко хлопают – посмотри!

И мы с Серёжей топали, хлопали в ладоши и кружились

под ручку. Наша учительница танцев была довольна и нас хвалила.

Настал день концерта. Меня нарядили в плиссированную юбку и сделали два огромных банта – ну кукла куклой. Серёже его мама сшила костюм медведя, и он надел на лицо бумажную маску.

У Игорька был красивый, звонкий и очень громкий голос. И из всех, кто не участвовал в танцах, именно его выбрали конферансье.

В актовом зале нашей школы была настоящая сцена с тяжёлыми бархатными портьерами. Но буквально за несколько дней до концерта что-то сломалось, и занавес перестал закрываться. Наша учительница танцев нашла выход:

– Сначала вы будете прятаться за портьерами по бокам, а после объявления номера выбежите с двух сторон на сцену и начнёте танцевать!

Мы с Серёжей спрятались за портьерами и ждали. И вот донесся голос Игорька:

– А сейчас, уважаемые зрители, этот задорный танец для вас исполнят Мишка и Дылда!

Сейчас, конечно же, я понимаю, что Игорёк хотел сказать «кукла», но просто переволновался. Сам, наверное, не слышал, что говорил. Но тогда!

Мне очень захотелось тут же спрыгнуть со сцены, поймать этого злополучного конферансье и отвесить ему тумачков. Как я злилась! Серёжа махал мне из-за портьеры напро-

тив, а я всё не выбегала. Кто-то из старшеклассников крикнул из зала:

– Мишка с Дылдой, танцуйте уже! Сколько ждать?!

Закусив губу и давясь злыми слезами, я выбежала на сцену под хохот зала. Как я топала: чуть пол не проломился. Хлопала я тоже так, что у Серёжи ладони покраснели.

Слёзы на моих глазах быстро высохли, и всю свою злость на Игорька я вложила в танец. Видимо, я искрилась, как шаровая молния, которая вот-вот взорвётся. Даже неповоротливый Серёжа скакал, словно горная лань и кружился, как настоящая балерина.

Когда музыка закончилась, бешено аплодируя, вскочила наша учительница танцев. Нас даже вызывали кланяться на бис.

Игорёк же в это время тихо пробирался к выходу, боясь моей расправы. Тумаков он всё-таки получил. Но не от меня, а от Серёжи.

После этого концерта мы подружались с Серёжей, он провожал меня домой и носил портфель. Увидя нас, Игорёк кричал:

– Тили-тили тесто, жених и дылда!

Серёжа за ним гнался, и они дрались на мешках с обувью. Весной открылась новая школа, и Игорька перевели туда. А с Серёжей мы ещё дружили до пятого класса...

Дылдой я оставалась совсем недолго. Вскоре сверстники стали подтягиваться: расти, обгонять. Так что в своём по-

колени я уже не самая высокая, а всего лишь «чуть выше среднего»...

Знахарка

В детстве у меня очень часто болели уши: гнойный отит, обычно двусторонний.

Когда в ухе зрел нарыв, боль была просто нестерпимой. Ещё и ухо практически переставало слышать. После того, как нарыв лопался, становилось легче, слух возвращался, но зато из уха долго тёк противный гной.

Родители куда только меня не водили: даже в платную поликлинику к профессору. Все лишь руками разводили:

– Строение уха такое, генетическая предрасположенность.

Когда мне было лет восемь, врачи объявили:

– Со слухом будут проблемы. У неё на барабанной перепонке нет живого места от шрамов. И если ваша девочка не оглохнет совсем, то слышать всё равно будет очень плохо...

Вскоре после этого бабушка тайно отвезла меня к знахарке. Мы долго ехали куда-то на метро, потом на автобусе. Я оказалась в какой-то полутёмной комнате, где увидела маленькую, сухонькую старушку в чёрном платочке.

Она долго шептала какие-то наговоры, а может молитвы, слов я не разбирала. Потом знахарка налила в воду воск, получился какой-то бесформенный и довольно большой комочек. Она завернула его в ткань, сделала мешочек. Привязала

к нему красную нитку и повесила мне на шею.

Мы ещё не доехали до дома, а я уже злилась и порывалась сорвать этот ужасный мешочек. Останавливало только то, что была зима, и сделать это было очень сложно.

Как только мы приехали домой, я сразу же сняла этот воск и выбросила за окно: прямо в снег. Моя бабушка проявила редкостное упорство. Оделась, пошла искать и нашла. Но на шею мне не повесила, а спрятала в бельевом шкафу.

Ещё долго мне снился по ночам шелестящий шёпот знахарки. Во сне я вслушивалась, вслушивалась, но так и не могла разобрать ни слова.

Когда нас в школе повели на диспансеризацию, врач поразилась:

– Не понимаю, куда делись шрамы?

Много-много лет после этого уши у меня не болели... Действительно ли знахарка их заговорила? Если так, то почему заговор подействовал? Ведь я же всеми силами ему противилась...

Дыня

Родители часто ездили в командировки по работе: запускали химические производства по всей стране. Где только они не побывали! И всегда привозили какие-нибудь сувениры и подарки.

Уже под самый Новый год мама полетела в Чирчик. Перед обратным вылетом из Ташкента позвонила папе:

– Обязательно встречай на такси, у меня с собой сюрприз!

Я ждала этот сюрприз с огромным волнением. Интуиция подсказывала мне:

– Мама везёт что-то немыслимое и прекрасное.

Услышав, как открывается дверь, я бросилась в коридор. Папа занёс вещи. Невообразимый аромат тут же заполнил всю квартиру.

Папа понёс сумку на кухню. Я, как привязанная, бежала за запахом:

– Мама, что это? Что так восхитительно пахнет?

– Это пахнет сюрприз.

Наконец-то папа достал её: огромную, жёлтую, продолговатую узбекскую дыню! Мы положили дыню на стол и заворожённо смотрели на это чудо.

За окном были синие декабрьские сумерки. Завывала метель, и снежная крупка стучала в окно. А у нас на столе лежала огромная, яркая, как солнце самого жаркого дня, на-

стоящая дыня.

– Так не годится! Есть такую красавицу на кухне. Я достану сервиз.

Мы накрыли в большой комнате стол, достали самый лучший праздничный сервиз. Дыню помыли и положили на огромное блюдо посреди стола.

Папа её разрезал, и мы увидели ещё одно чудо. Мякоть дыни была розовая и прозрачная. Я даже подумать не могла, что дыня может быть розовой.

Для меня вкус этой дыни остался в памяти как самое лучшее, что только можно представить. Когда в школе нам рассказывали про божественный нектар, которым питались боги Олимпа, я представляла, что он именно такой: как узбекская дыня.

Когда на рынках появились «торпеды», я покупала их в надежде снова ощутить этот врезавшийся в память чудесный вкус. Дыни были сладкие, вкусные. Но их вкус был бесконечно далёк от ароматной сладости той незабываемой розовой дыни...

Тимка

После истории с котятами я долго переживала, что мне не досталось котёночка: даже плакала пару раз.

И вот однажды я проснулась и услышала:

– Мяу! Мяу! Мяу!

Выглянув в коридор, я поняла: папа пришёл с Птичьего рынка! Я выбежала навстречу, а папа распахнул пальто и достал серого пушистого малыша. От радости я скакала как бешеная.

– Теперь у нас есть котик!

Назвали мы кота Тимофеем.

Котёнок был такой крошечный, что помещался на одной папиной ладони. Если папа его другой ладонью накрывал, то Тимофея было вообще не видно: один хвостик свисал...

Мы все недоумевали:

– И кто только додумался таких маленьких котят продавать?

Тимка даже лакать не умел. Есть просил, а молоко не пил. Так пронзительно мяукал от голода, что даже из соседнего дома прибегали, спрашивали:

– Что вы с котом делаете, почему он у вас кричит?

Я его кормила несколько дней так: макала палец в молоко и мазала Тимке рот. Он лизал палец, шерсть вокруг рта – немного молока ему перепало.

Потом наш котик научился сам лакать и стал быстро расти. Но меня так и считал за маму: утыкался носом куда-нибудь в бок, начинал мурчать и кофту мою сосать, а сам когти точил об меня как котята, когда у кошки молоко пьют.

Тимка вырос в огромного пушистого кота. Он был очень похож на манула, только весь серо-голубой. Наш котик очень любил гулять по перилам балкона: жили мы не высоко, на втором этаже. Однажды он не удержал равновесие и полетел вниз.

Я побежала кота искать. Бегала, бегала под балконом – нет Тимки. Хорошо, что я догадалась в окошечко подвала покричать:

– Тимка! Тимка!

Он сразу же вылез из подвала: очень напуганный, на «коротких лапах». С тех пор Тимка часто с балкона летал. То ли он падал, то ли сам прыгал. Далеко не убегал: гулял под балконом и ждал, когда за ним придут.

После того как Тимка побывал в подвале, мы решили первый раз его помыть. Раньше мы мыть кота боялись, продавщица на Птичьем рынке папе сказала:

– Котёнок у меня чистый, домашний. Маленьких котят нельзя мыть, вы его, если на улицу выпускать не будете, не мойте до года примерно.

Хотя Тимке ещё не было года, когда он угодил в подвал, но все испугались:

– Вдруг на него успели блохи прыгнуть?

И понесли мы с папой кота мыть. Тимка упирался всеми лапами: не хотел никак в ванну.

Как же он не любил мыться! Таким утробным голосом завывал, даже страшно становилось. Терпел, не вырывался. Пока мы его мыли, Тимка стоял в ванне и подвывал диким голосом:

– Мяу! Мяу!

Кот такой смешной становился мокрый: огромная пушистая морда, тело без шерсти в два раза меньше, а хвост – совсем тонкий.

Наш Тимка был необыкновенно умный. Однажды мы заметили: газеты в его лотке всё сухие и сухие. Так прошёл день, наступил вечер, а в лотке было без изменений. Мы испугались и стали думать:

– Всё, заболел наш кот!

Нос потрогали – мокрый. И ел Тимка так, что только за ушами пищало. Мама первая заметила, позвала всех:

– Идите, посмотрите, какая новость!

Мы прибежали, а Тимка на унитаза сидит – важный такой! Так с тех пор лоток больше и не понадобился. Мы кота не приучали, ничего не делали. Сам додумался...

Когда мы отвезли Тимофея первый раз на дачу, он сразу всех соседских котов на дерево загнал. Выглядело это очень смешно. Мы с бабушкой сидели около дома на скамейке. Вдруг один кот мимо нас промчался опрометью и на всей скорости заскочил на соседский тополь, за ним другой, тре-

тий. А сзади Тимка бежал: так вальяжно, как бы нехотя. Походил под деревом, потёрся об ствол боком, и, хвост трубой, к нам направился:

– Всех победил!

Сидел как-то Тимка на заборе, а мимо муж с женой проходили. Как они пристали к бабушке!

– Ах, какой красавец! Продайте кота!

Я быстро Тимку на руки подхватила и за калитку убежала.

– Ишь чего захотели! Моего любимого котика им продай!

Только они не успокоились. Снова пришли и опять деньгами стали размахивать. Еле мы с бабушкой от них избавились.

Они Тимке очень не понравились, особенно мужчина. Никогда я такого не замечала, чтобы если кто-то гладить тянул, Тимка шипел, как змея. Наоборот, ласковый такой был котик: все мои друзья его гладили, на руки брали, тискали, а он даже не пискнет никогда.

Вечером они пришли снова: жена с корзинкой, а муж в перчатках. Мужчина схватил Тимку и пытался в корзинку затолкать.

Я сидела на крыльце и вдруг услышала, что на улице Тимка завывает боевым кличем. Выскочила я на помощь, сначала подумала:

– Может Тимка с соседскими котами дерётся?

Вместо драки котов, за калиткой я увидела совсем другую битву: Тимка извивался как змея в руках мужа, а жена за ни-

ми бегала с корзинкой.

Я закричала:

– Отпустите моего кота, воры проклятые. А то хуже будет!

И ведь как в воду глядела! Тимофей наш извернулся, когтями за плечо зацепился, и на голову полез. Шляпу сшиб и в лысину когтями вцепился. Такой шум стоял: кот шипел, мужик ругался, жена бегала вокруг и кричала:

– Помогите!

Тимка вцепился задними лапами в шею, а передними лысину драл: мужик его стащить никак не мог. Забыв о корзинке, он уже взмолился:

– Забирай своего бешеного кота быстрее!

Я подбежала, Тимка сразу мне на руки прыгнул и так замурчал-затарактел, как трактор.

Это был единственный случай, когда Тимка постороннего разодрал. Меня или брата царапнуть, чтоб отстали – это было, но вот чужих – никогда.

Все мое детство и юность прошли рядом с Тимкой. Мне всегда говорили:

– В твоих жестах есть что-то неуловимо кошачье...

И не удивительно, мы же с котом вместе росли...

Кардинал

На даче в Конаково мы снимали половину дома. Во второй половине жила сама хозяйка, Анастасия Ивановна.

Туалет у нас был общий: домик в огороде. Каждый раз, идя в туалет, я проходила мимо грядок с клубникой.

И частенько наблюдала, как внук хозяйки Сашка, парень лет пятнадцати, бегает между грядок и ест клубнику. Каждый раз, увидев меня, он показывал кулак:

– Бабке скажешь, убью!

Проходить мимо рядов клубничных кустов, увешанных ягодами, было нестерпимо. Но мне строго запрещали есть хозяйкину клубнику. Долго я боролась с искушением.

Однажды сила воли моя кончилась. Я прокралась на самый дальний конец грядки у забора и начала есть клубнику. Ничего вкуснее в жизни я не пробовала.

Это была ананасная клубника сорта «Кардинал». Жадно срывая ягоду за ягодой, я каждый раз говорила себе:

– Самая последняя!

Но оторваться от такой вкуснотищи было выше моих сил. Я ела и ела. И так увлеклась, что ничего не замечала вокруг. Вдруг из-за сарая выбежала Анастасия Ивановна:

– Ах вот кто обожрал всю мою клубнику!

Из-за её спины выглядывала довольная Сашкина физиономия. Родителям я честно призналась, что весь урон нанёс

Сашка, а я польстилась на клубнику только один раз. И так напала на ягоды именно потому, что у них был волшебный вкус.

Чтобы больше не подвергать хозяйкину клубнику опасности, было решено покупать мне каждый день по стакану ягод. Бабушка обошла всех хозяек, продававших клубнику с куста. И очень далеко, через две улицы, нашла женщину, которая тоже выращивала «Кардинал».

Каждый вечер мы отправлялись с бабушкой в долгий поход за клубникой. Анна Ивановна набирала нам стакан с горкой и тут же в саду мыла ягоды. Я ела их сидя на скамейке у забора. Закрывала глаза от наслаждения и смаковала каждую ягодку.

Анна Ивановна всегда умилялась:

– Гляжу, как Алёнка есть мои ягоды, и понимаю, что все дни на грядках прошли не зря.

Ещё несколько лет мы ходили за клубникой к Анне Ивановне. А потом напал какой-то вредитель, и весь «Кардинал» у неё погиб...

Не так давно у нас в деревенском огороде появились первые кустики «Кардинала». Я с нетерпением ждала, когда же поспеют ягоды. Часто в детстве всё кажется более вкусным. Но «Кардинал» не подвёл – вкус его остался божественным...

Лягушка

Всё лето я гонялась за бабочками. Мне родители даже купили сачок: голубой, на длинной деревянной ручке. Я этот сачок очень берегла и везде таскала с собой.

И вот однажды забыла его на Волге. Забыла о нём вообще, как будто его и не существовало. Вспомнила только вечером, когда мы с бабушкой уже вернулись, сходяв за молоком.

Я так расстроилась, не могла успокоиться:

– Не усну, пока не выясню, что с сачком! Или он найдётся, или уже пропал безвозвратно...

Мы с бабушкой взяли фонарик, пошли, уже в сумерках, через бор к Волге. Сачок оказался там, где я его оставила. Как я радовалась! Исполняла папуасские танцы и распевала:

– Нашёлся, нашёлся, любимый мой сачок!

Радостно мы отправились в обратный путь. Сумерки стали почти темнотой. Мы шли через лес, и светилась только вытоптанная песчаная дорожка. На радостях мы совсем забыли, что у нас с собой фонарик и шли в полумраке.

Вдруг впереди раздался звук:

– Шлёп!

Мы остановились и прислушались.

– Шлёп, плюх, шлёп!

Кто-то тяжело скакал по песку. Стало жутко. Почти ночь, со всех сторон окружает темнота, и кто-то неведомый под-

жидает на дорожке...

Бабушка вспомнила про фонарь и посветила на тропинку. И мы увидели лягушку. Не жабу, а именно лягушку. Она была песчаного цвета и полностью сливалась с тропинкой.

Размеры этой лягушки превосходили самое смелое изображение: такая огромная, наверное, размером с небольшого ёжика. Лягушка замерла в свете фонарика и, казалось, внимательно смотрела на нас своими глазами-бусинками. Мы осторожно прокрались мимо.

Отошли подальше и опять посветили. Лягушка гигантскими прыжками поскакала следом. У меня захватило дух от невероятности этой картины. По темному лесу скачет невозможная лягушка, как будто она вышла из сказки. Лягушка-царевна.

Для меня навсегда осталось загадкой, что это была за лягушка. В перечне лягушек средней полосы нет ничего подобного. Откуда она появилась, такого вида и размера, на дорожке бора в Конаково?

Трамплин

Все дети зимой ходили в валенках, даже когда катались на лыжах. Для лыж были специальные крепления: петля для ноги, сзади резинка, а спереди крючок, на который эта резинка пристегивалась. И надевалось это всё прямо сверху на обувь.

Я страшно не любила вещи, купленные на вырост, особенно валенки. В первый год они бывали велики, а на следующую зиму – уже малы. Как раз тогда у меня были новые: красивые, серые, с блестящими галошами.

Зимой у нас физкультура была на лыжах. Мы ходили с физруком в лес. На пятёрку надо было сдать все три вида упражнений: ходьба без палок, бег на лыжах, спуск с горы.

С последним видом у меня всегда были сложности. Кататься в очках с горы было опасно, а без очков получалось плохо. Когда я мчалась на скорости, рассмотреть на сверкающей равнине снега накатанную колею, с моим зрением, было сложно. Я очень часто теряла лыжню посреди горки, и меня уносило в сугроб. Такой спуск не засчитывался.

Для таких, как я, девочек, которым обязательно нужна была пятёрка, а с нормальной горы сдать спуск не получалось, наш физрук находил какую-нибудь пологую горку и сам накатывал лыжню.

В нашем лесу было много каких-то непонятных бугров.

То ли это были остатки оборонительных укреплений, то ли что-то ещё, но большинство горок были двусторонние. С одной стороны – довольно пологий склон, а с другой – страшно крутой. Пологие склоны никто за горку не считал, все катались с обрывистых сторон.

Вот на одном таком пологом склоне наш физрук и положил лыжню для девочек. Мы все благополучно съезжали с этой горки, а физрук сидел наверху и записывал. По вершине этого бугра можно было прямо выйти на шоссе. Те, кто сдал спуск, поднимались наверх, там снимали лыжи и строились для перехода через дорогу.

Снять резиновые крепления всегда бывает сложно. На крючок набивается снег, резинка замерзает, твердеет и совершенно не тянется. Мальчишки давно уже лыжи сняли, а девочки все ещё боролись с креплениями. Физрук тоже уже снял лыжи, ходил и всем по очереди помогал расстегнуть крючок.

Я поставила палки отдельно, повесила на них варежки и пыталась сама снять лыжи. То правый крючок тащила, то левый. И вроде бы, казалось, что ещё чуть-чуть, и смогу снять: совсем немного не дотягивала. Ещё и валенки новые хлябали, мешали резинку тянуть. Я так увлеклась борьбой с крючками, что ничего вокруг не замечала. И вдруг почувствовала, что поехала. И всё быстрее и быстрее.

Физрук ко мне бросился. Бежал, руками махал и кричал: – Тормози, тормози!

А чем мне было тормозить? Палки-то уже остались далеко.

Меня охватил настоящий ужас. Сразу как будто вместо желудка образовалась чёрная дыра, такая пустота была «под ложечкой». Лыжи сами несли меня к обрыву, а я ничего сделать не могла. Девочки визжали, ребята хохотали, а я цепенела от страха.

Как же я ухнула с обрыва! Полетела на скорости по крутому склону, а физрук пешком бежал за мной, вслед выкрикивал:

– Присядь, группируйся, лыжи своди!

Неожиданно у меня зрение прорезалось. От страха, наверное. Под ногами я чётко-чётко видела свои красные лыжи, и чуть ли не отдельные снежинки различала. А склон был накатанный, обледенелый, ноги разъезжались. Скорость была такая, что в ушах свистело. Но я на лыжах держалась, не падала.

Впереди на склоне виднелась какая-то ямка, а потом выступал небольшой бугор. Меня на этот бугор вынесло, и земля под ногами кончилась. Я даже понять ничего не успела, как оказалась в воздухе. Лыжи с ног слетели вместе с валенками и дальше без меня поехали. А я куда-то вбок упала и в сугроб влетела с размаху. Глубоко провалилась и засела в лунке, как тетерев.

Руки без варежек окоченели, куртка задралась, на голую спину снег насыпался. От холода зуб на зуб не попадал, а вы-

браться сил не было. Физрук примчался, бледный весь. Стал тащить меня из сугроба, снег руками разгребать. А я сидела, как оглушённая, никак опомниться не могла...

Лыжи мои с валенками нашлись у подножия горки. Они оказались совершенно целыми. На них потом и мой младший брат, и даже дочка катались. А физрук после каникул уволился...

Спектакль

В нашем доме жила девочка Рита, которая мечтала стать актрисой. Она была на несколько лет нас старше и заправляла всей компанией.

Однажды Рита решила, что ей уже пора начать тренироваться в артистки. И предложила:

– Давайте, организуем во дворе свой театр!

Нам эта идея очень понравилась, и мы с радостью согласились.

После долгих споров все решили, что первым спектаклем нашего театра будет «Золушка». Рита сразу же сказала:

– Я буду Золушкой! В конце принц и Золушка должны поцеловаться по-настоящему, а вы ещё маленькие!

Не помню уж почему, но мне досталась роль мачехи. Когда мы репетировали, примером для нас был чёрно-белый фильм «Золушка» – все диалоги и поведение персонажей мы скопировали оттуда.

Ещё на репетициях, все почему-то сильно хохотали, когда я приподнимала воображаемые пышные юбки, поднимала кверху нос и говорила:

– Крошки мои, за мной!

Но я не придавала этому особого значения. На репетициях царил такая атмосфера всеобщего возбуждения, что все смеялись и по поводу, и без него.

К подготовке костюма я подошла со всей серьезностью: задействовала мамин гардероб. Мы нашли где-то старый шиньон – из него на голове получалась замысловатая башня. К длинной маминой юбке папа сделал из проволоки настоящий кринолин – совсем как в кино. И только с обувью не получалось. У моей мамы было полно прекрасных лодочек на шпильках. Но вот размер ноги у мамы всегда был крошечный, даже уже в то время мне её туфли были откровенно малы.

И вот пришло время долгожданной премьеры. Ребята во дворе соорудили настоящую сцену из досок, натянули сзади простыню, а спереди сделали из чьих-то старых штор театральный занавес.

Ещё заранее мы написали красивые пригласительные и разнесли по всем квартирам: зрители приглашались со своими стульями. Конечно же, первыми пришли родители артистов и сели у сцены. Незаметно собрался почти весь дом, как говорится: был полный аншлаг.

Я старательно нарядилась в мачеху, а мама с бабушкой, в лучших традициях «Золушки», как-то натянули мне на ноги лодочки. Давили они страшно, но как было красиво! Настоящая дама получилась: в шиньоне, кринолине и бальных туфлях.

Моя мама отдала нам почти новый комплект настоящего театрального грима. Рита, как без пяти минут артистка, решила поработать ещё и гримёром и раскрасила нас за сце-

ной.

Видимо она перестаралась, гримируя меня. Или так на всех подействовал мамин шиньон? Когда я появилась на сцене первый раз, почему-то все сразу же захохотали, я ещё и сказать ничего не успела... Зал даже зааплодировал, когда я подхватила юбку:

– Крошки мои, за мной!

Вроде бы всё шло по плану, но вдруг, когда мачеха отчитывала Золушку, я поняла, что вообще забыла все слова. Недолго думая, я начала сочинять реплики на ходу. Видимо, экспромты удавались, зал хохотал и аплодировал.

Самый апофеоз разыгрался в конце спектакля. Мои ноги, зажатые в узкие туфли, давно болели и стали отекать. Лодочки почти сползли и держались каким-то чудом. И вот в предпоследней сцене, когда принц меряет туфельку Золушке, я забыла придержать подол и наступила себе на юбку. Отчаянно пытаюсь удержать равновесие, я взмахнула руками и ногами одновременно.

Лодочки как будто только и ждали этого момента. Одна из них полетела в зал, а вторая – прямо в принца. Принц не растерялся и поймал туфлю обеими руками. В зале была истерика. Чей-то папа кричал:

– Правильно, на мачехе женись!

Весь пафос последней сцены пошёл насмарку... Рита очень обиделась. Особенно на меня.

– С вами только в цирке выступать, а не в театре играть!!!

Я с вами собиралась ещё «Ромео и Джульетту» ставить! А теперь не буду!!! Всё, я театр закрываю и вас, «артистов», выпускаю!

После спектакля многие подходили к моей маме:

– Давно я так не смеялся! У вашей дочери точно талант!

Может, мне надо было в театральный институт поступать, а не на инженера учиться?

Профессор

Мы дружили с Мариной из второго подъезда. По утрам я заходила за ней, чтобы пойти вместе в школу. Я стояла у двери, а Марина металась по квартире, собирая на ходу портфель, одевая форму и жуя одновременно бутерброды. Мне каждый раз казалось, что эти сборы будут вечными. Когда до звонка оставалось уже совсем чуть-чуть, я говорила:

– Всё, ухожу одна!

Тогда Марина хватала портфель, и мы мчались в школу. Школа была совсем рядом с нашим домом. Быстрым шагом до неё идти было минут пять – наш рекорд был три минуты. Вокруг школы стоял невысокий бетонный заборчик, в котором были две калитки напротив друг друга.

Кроме нас ещё опаздывал Миша-профессор, который тоже утром бежал к калитке, но с другой стороны. Мишу прозвали профессором за то, что он был круглым отличником, носил смешные очки, был очень рассеянным и всегда и везде опаздывал.

Почти каждым утром разыгрывалась одна и та же сцена. В одной калитке появлялись мы с Мариной, а к калитке напротив почти одновременно с нами подбегал Миша.

– А! Профессор!!!

И мы пускались бежать, как будто сдавали стометровку. Миша тоже не оставался в долгу и нёсся к школе. Уже

вся школа знала про наши забеги, и дежурные установили негласное правило:

– Кто первый вбежал в дверь, тот успел, а кто последний, тому замечание в дневник!

Причём мы с Мариной были неделимой единицей. Если кто-то из нас первым оказывался в школе, опоздавшим считался Профессор, если первым был Миша, замечание писали нам.

Мы, конечно, были спортивнее и всегда обгоняли Мишу, если начинали бежать одновременно. Но иногда Мише удалось прийти к школе на минуту раньше. Тогда в наших дневниках красовалось замечание красной ручкой:

– Опоздала в школу!

Мои родители, читая такое, всегда были в недоумении:

– Как ты, выходя из дома в восемь, умудряешься опаздывать, если тут идти всего пять минут? Где ты бываешь по утрам, до школы?

Но, в ответ на все их тревожные расспросы, я молчала, как партизан, и Марину не выдавала...

Карус

Папа очень хотел завести настоящую охотничью собаку. Мама никак не соглашалась:

– Куда ещё и собаку, есть же кот.

Каждую субботу папа ездил на Птичий рынок. Посмотреть, по рынку погулять.

И вот однажды осенью раздался звонок в дверь. Мама дверь открыла и сразу захлопнула. Я страшно удивилась:

– Может быть, кто-то адресом ошибся?

Подбежала и посмотрела в глазок. А там папа с собакой. Мама отошла немного и дверь всё-таки открыла. Так у нас появился Карус. Настоящий шотландский сеттер. Он был ещё щенок: десять месяцев. Но выглядел уже как взрослая собака. Какой же он был красавец! Такого красивого сеттера я больше никогда в жизни не видела.

Кот сразу показал, кто в доме хозяин. Как царапнул раз по носу, Карус его сразу признал за главного. Потом они мирно уживались, даже спали рядом. Но к миске своей Тимка его не подпускал, а у Каруса таскал всё, что понравится.

Столько в Карусе было силы и энергии! Он носился, как вихрь. Особенно в лесу за белками. Загонит на дерево, встанет в стойку и лает, зовёт хозяина:

– Нашёл добычу!

Зимой папа научил Каруса таскать лыжника. Но только

у папы получалось прокатиться. Мама не могла удержаться на лыжах, так мощно Карус ташил. А нас с Мариной он катал на санках, совсем как настоящая ездовая собака.

Такой Карус был весёлый и ласковый, что даже мама к нему привязалась. Папа вообще был счастлив. Все выходные они пропадали с Карусом в лесу, тренировались охотиться на дичь.

Как-то в конце мая их из леса всё нет и нет. Мы волноваться начали, и не зря. Уже поздно вечером пришёл папа с поводком – один, без Каруса.

Папа тренировал его на рябчиков. Сидел в кустах и манком пищал. Карус папу находил, облаивал и делал стойку. Только Карус папу выследит, как папа снова перепрыгнется. Вот он спрятался, манком свистит, а Каруса всё нет.

Вдруг папа услышал, что Карус лает. Не как на добычу, а яростно так. Папа побежал быстрее на лай:

– Может, Карус подрался с чьей-то собакой?

Прибежал – никого нет. Только следы на песке, как будто собаку тащили, а она упиралась. Много дней потом папа ходил в лес. Звал, искал, но всё было напрасно. Папа и на Птичий рынок каждую неделю ездил:

– Если украли, может быть там будут продавать?

Летом, когда нас с бабушкой уже отвезли на дачу, ехали папа с мамой в электричке. Вышли в тамбур проветриться, очень душно было в вагоне. Стояли у платформы неизвестной, около открытых дверей. А сразу за станцией уже были

видны дома дачного посёлка. Мама посмотрела на участки и сказала:

– Надо же, какой-то идиот сеттера на цепь посадил!

Папа выглянул из вагона:

– Да это же Карус!

Карус услышал своё имя, со всех своих сил рванулся. Вырвал цепь и через забор махнул. Двери закрылись, электричка поехала. А Карус за вагоном понёсся с лаем.

Папа с мамой метались – не знали, что делать. Рванули стоп-кран, побежали к машинисту. А тот отказался двери открывать:

– Сойдёте на следующей станции, не могу сейчас открыть!

И дальше поехал. Карус бежал, бежал за электричкой. Потом пропал. Папа с мамой вышли на остановке, по путям прошли пешком обратно. До той станции вернулись, Каруса не видели.

Пришли к дому, где он на цепи сидел. Вышел мужик какой-то. Папа к нему бросился:

– Это наш пёс, его у нас украли!

– Ничего не знаю, я его на Птичьем рынке купил!

А у самого глаза бегают. Ещё несколько раз родители приезжали на эту станцию, искали, звали, к мужику заходили. Только никто из нас Каруса так больше и не видел.

Сколько ночей я провела, рыдая. Представляла, как Карус, из последних сил, бежит за электричкой. И падает на путях, как загнанная лошадь...

Даже сейчас, как вспомню, слёзы на глаза так и наворачиваются...

Море

После пятого класса я уже не была отличницей: то четверка по русскому, то «удовлетворительно» за поведение.

И вдруг осенью седьмого класса нам объявили:

– Школе выданы пять путёвок в Артек на лето, но поедут только самые лучшие ученики с примерным поведением.

Перспектива поехать в пионерский лагерь меня не очень-то привлекала, но море, море! Я никогда не была на море.

Это был единственный год, когда у меня выходили пятёрки по всем предметам. Я думала, что путёвка уже моя. Но своей вспыльчивостью я погубила всё дело...

Весной мы увлеченно играли в индейцев. Бегали по лесам и строили шалаши. Конечно же, у нас были «вражеские племена». Игра продолжалась и в школе. «Сиу» и «делавары» обменивались на уроках грозными записками и не упускали случая подразнить друг друга.

Все, как могли, мастерили себе «индейские» детали к одежде. Я скрепила два кожаных ремешка от часов, нашила на них разноцветные деревянные бусинки продолговатой формы, а сзади приделала резинку. Получилось очень похоже на настоящую налобную повязку, которую носили индианки в фильмах. На переменах я надевала свою повязку и гордо дефилировала мимо «племени сиу».

Однажды самый вредный из наших врагов сорвал мою по-

вязку и закричал:

– Индианка без повязки, это индейка, а индейка курица!

Я гонялась за ним по коридору, а он размахивал моей повязкой и кричал:

– Без повязки курица!

Почти правая рука вождя нашего племени, я такого стерпеть не могла. И в результате, отчаянно дерясь, мы чуть было не сбили с ног директрису. О примерном поведении и путёвке в Артек можно было забыть....

Печаль моя не поддавалась описанию – я даже забросила играть в индейцев. То ли так совпало, то ли родители видели, как я расстроена, но они объявили:

– Этим летом мы едем на море!

Мы поехали не по путёвке, а «дикарями» – подальше от переполненных пляжей. Родители достали через знакомых адрес хозяина квартиры в Абхазии, к нему мы и поехали.

Вернее, полетели. Когда мы вышли из самолёта в аэропорту Сухуми, мне показалось, что мы оказались в парилке. Дышать было нечем, вместо воздуха вокруг был какой-то удушливый пар. Я чувствовала себя рыбой, выброшенной на берег. Казалось, ещё немного, и легкие мои разорвутся. К своему ужасу, я задыхалась, хватала ртом воздух и не могла надеяться. Почему-то нос вдыхать этот воздух отказывался. Ноги стали ватными, а в глазах начало темнеть...

И вдруг, как по мановению волшебной палочки, мой нос

ожил. Я начала дышать, как ни в чём не бывало. Вся эта страшная адаптация заняла несколько минут, родители даже ничего заметить не успели...

Вся наша жизнь на юге зависела от моря: можно купаться или нет.

Пляж был галечный, а море такое прозрачное. Никогда я не видела такой прозрачной воды. В Волге вода всегда желтоватая, когда цветёт, то и вовсе зелёная, а здесь всё дно было видно как на ладони. Я опускала лицо в воду и разглядывала разноцветные камешки. Свет солнца причудливым образом преломлялся сквозь воду, и на дне трепетали и переливались сказочные узоры...

На море я научилась по-настоящему плавать. Раньше я умела плавать только «по-собачьи», перебирая в воде руками и ногами одновременно. Так продержаться на воде можно недолго, силы кончаются. А в солёной воде плыть легко: как будто тебя поддерживают снизу теплые, мягкие руки... Можно плыть, плыть и плыть, и кажется, что это ничуть не сложнее, чем идти...

Я почти превратилась в русалку. Пока родители загорали, я качалась на теплых волнах и ныряла в прозрачной глубине. Вытащить меня из воды было практически невозможно. Мне было не понятно, как можно валяться на камнях, когда есть море?

Однажды ночью пошёл дождь. После этого несколько дней море было грязное, купаться было невозможно. Мы ез-

дили по окрестностям, гуляли в лесу.

И только море расчистилось, как начался шторм. Шторм растянулся не на один день, море бушевало, даже загорать было негде: волны заливали весь пляж.

Впервые я ощутила, что такое стихия: прибой сметал всё на своем пути. Море ревело, как дикий зверь. Поднимающиеся стены воды вызывали у меня какой-то древний, животный ужас. Я с благоговейным трепетом наблюдала за местными парнями, которые умудрялись носиться в этих волнах на каких-то досках и кусках фанеры.

Меня же хватало только на то, чтобы бегать по краю пляжа, в густой пене от набегающих волн. И даже эти остатки волн умудрялись бить по ногам камнями и тянуть за собой в глубину. Страшно было даже представить, что творилось на линии прибоя!

Пока был шторм, мы гуляли по Сухуми и ездили на экскурсии. Как только мы закончили всю «обязательную» экскурсионную программу, наступил долгожданный штиль...

Казалось, море специально разыгралось, чтобы мы вылезли наконец-то из воды и увидели всё самое интересное в окрестностях...

Потом до самого отъезда стояла хорошая погода. Я купалась и плавала, плавала, плавала. И хотя в квартире Гурама была ванная, все равно казалось, что моя кожа навсегда пропахла солью и морем...

И только дома, через несколько недель, запах моря смыл-

ся вместе с южным загаром...

Гурам

Около села Эшеры располагался Учхоз, а в нём был небольшой посёлок для работников: несколько частных домов и обычная пятиэтажка, на первом этаже которой были продуктовые и разные другие магазинчики. В этой пятиэтажке у нашего хозяина, Гурама, была трехкомнатная квартира. Мы жили в самой большой комнате с балконом.

Оказалось, что Гурам заядлый рыбак – они с моим папой просто нашли друг друга. Ловили розовых барабулек и страшных морских ершей с ядовитыми колючками, а уж про бычков и говорить нечего...

Было очень непривычно, что на юге обычные дождевые черви – это что-то очень ценное. У Гурама было тайное место за сараем, на берегу, где он копал червей для рыбалки. Было это чаще всего вечером, когда все ещё нежились на пляже в последних лучах заходящего солнца. После обеда с нами к морю ходили и его дочери: близнецы Марина, Манана и младшая Майя. Когда Гурам был в хорошем настроении, он устраивал представление. За мной прибегали девочки:

– Пойдём, пойдём скорее, папа будет есть червей!

Думаю, что это был фокус, уж больно хитрое лицо было при этом у Гурама. Гурам брал червяка, тщательно пальцами счищал с него землю. Потом открывал рот, и некоторое вре-

мя держал над ним червяка. Дочки уже начинали визжать. Майя даже закрывала глаза ладонями. А потом:

– Ап!

И червяк отправлялся в рот. Гурам тщательно жевал, облизывался и говорил:

– Вкусный был червячок!

Потом к нам подходили ещё зрители: его жена, моя мама, кто-нибудь из курортниц. Все визжали:

– Фу!

А Гурам радостно хохотал...

Событий в жизни дома было мало, так что любое происшествие рано или поздно, обрастая подробностями, расплывалось среди всех. Наше приключение по добыче мушмулы дошло и до Гурама. Пришли мы как-то раз с моря, а на кухне – два ведра мушмулы. Гурам сразу стал нам предлагать:

– Угощайтесь, берите, сколько хотите, у меня своя есть мушмула в огороде, но у нас её никто так не ест, мы только на варенье и держим!

Ох, и наелась же я тогда мушмулы!

В квартире Гурама мы жили в самой большой комнате с балконом. Больше всего на свете надеюсь, что дерево, которое я видела на фото, растёт не на нём...

Скорпион

Когда у Гурама бывал выходной, он устраивал пир для домашних. Мы, как гости, тоже всегда приглашались.

– Лобио, лобио! Мы будем кушать лобио!

Марина и Манана распевали на два голоса и бегали по квартире, хлопая в ладоши.

Гурам колдовал на кухне. Оттуда разносился такой аромат разных трав и специй, что впору было прыгать вместе с близнецами в предвкушении.

Лобио всегда подавалось с мамалыгой. Жена Гурама готовила мамалыгу заранее. Холодную мамалыгу резали на порции и заливали горячим лобио.

Пока все наслаждались лобио, Гурам любил попотчевать собравшихся ещё и страшным рассказом.

Один из его рассказов особенно поразил моё воображение:

– На шелковичных деревьях прячется много маленьких скорпионов. Но укусы их не страшны. Больно, но не смертельно. Как укус осы: покраснеет, поболит и пройдёт. Но горе вам, если встретите столетнего скорпиона! От его яда нет спасения. Если человека укусил столетний скорпион, то несчастный проживёт лишь до заката. Как только солнце скроется в море, человек умрёт...

– Как же узнать столетнего скорпиона?

– Он чёрный, с огромными клешнями, весь порос от старости мхом...

Мы с дочками Гурама с ужасом переглядывались, забыв даже про лобно.

Я очень хотела увидеть живого жука-носорога. Однажды, когда мы шли по дорожке к морю, нам попался раздавленный жук. Он был такой огромный, раза в три больше майского жука. И на голове у него был загнутый коричневый рог, в точности, как у носорога.

Как-то вечером мы были на пляже. Я только вышла из воды и грелась на солнце. Папа с Гурамом вдалеке копали червей для ночной рыбалки, а мама загорала.

Вдруг я заметила какое-то движение на самом краю пляжа, там, где была полоска песка, переходящая в траву под деревьями. Кто-то крупный перебирал лапками. Я сразу решила, что это жук-носорог, вскочила и побежала к нему. Уже протянула руку, чтобы поймать жука.

– Стой! Назад! Не трогай!

Ко мне на огромной скорости подбежала мама и резко дёрнула меня назад, так, что мы обе упали.

– Это не жук! Это же скорпион! Смотри, какое чудовище!

По полоске песка вдоль травы, действительно, ползло что-то невиданное.

Я никогда не встречала живых скорпионов, видела их только на картинках. У этого были огромные чёрные клешни, он страшно выгибал свой хвост с жалом. Но самым по-

разительным было то, что его панцирь на спине был не гладкий, а весь какой-то мохнатый, как будто действительно порос мхом.

На наши крики сбежались все, кто был на пляже. Прибежали и папа с Гурамом. Все толпились вокруг, а скорпион вертелся и изгибал хвост.

– Да, это он! Столетний скорпион! Нельзя его убивать ни в коем случае!

Гурам осторожно палкой загнал скорпиона в ведро и куда-то отнёс – подальше от пляжа.

Через два дня Гурам принёс жука-носорога. Мы с близнецами насмотрелись на него вдоволь, потрогали его рог, испугали им маленькую Майю. А потом отпустили с балкона. Жук расправил крылья и полетел, гудя, почти как самолёт...

Пиво

В Абхазии мне всё время хотелось пить. Видимо, так на мой организм действовала жара и солёная вода...

Мы утром шли на пляж, загорали и купались до обеда, а потом возвращались домой, чтобы переждать самый солнцепёк.

Обычно мы брали с собой воду, которой хватало на всё время, пока мы были на пляже. Но в тот день вода закончилась слишком быстро.

До моря идти было довольно далеко – ходить за водой домой не было смысла.

– Пока ходишь туда и обратно, настанет время возвращаться!

Родители решили, что мы с папой сходим в кафе – купим мне лимонаду.

В те времена лимонад продавали в таких же стеклянных бутылках, как и пиво, только на них была этикетка «Буратино», «Колокольчик» или «Дюшес». Но крепили их непрочным составом, и наклейки часто отваливались.

Пока мы шли по жаре до кафе, жажда стала просто нестерпимой. Я думала только об одном:

– Быстрее бы попить!

В кафе торговали напитками на вынос только в буфете. Туда стояла здоровущая очередь. Папа стоял в кафе, а я жда-

ла его у столика под зонтиком, изнывая от жажды.

Наконец папа появился, неся насколько бутылок лимонада и одну отдельно:

– Взял для себя пива холодного!

Он поставил на столик все бутылки разом. На столике лежал консервный нож. Папа открыл своё пиво и мой лимонад:

– Пей пока, я сейчас быстро сбегая за сдачей и вернусь.

Обе бутылки были без наклейки. Мне показалось, что лимонад – это бутылка справа. Рядом с ней стояли и остальные лимонадные бутылки. Мне так хотелось пить, что я проглотила залпом почти полбутылки, прежде чем почувствовала отвратительный горький вкус. И только тогда поняла, что я выпила папино пиво...

Я долго плевалась и пыталась запить лимонадом. Потом, всю дорогу обратно к морю, спрашивала у папы:

– Зачем ты пьёшь пиво, если оно такое невкусное?

Этот вкус горечи был настолько сильным и так запомнился, что сколько бы раз в жизни меня не уговаривали попробовать пива, я всегда отвечала решительным отказом.

Сосны

Однажды мы пришли на пляж, а море оказалось мутным, совершенно коричневым. Мы очень удивились. Гурам сказал нам:

– Это ночью прошел дождь в верховьях реки Гумисты. Она вышла из берегов и вынесла в море глину.

Пока море было грязным, мы ездили гулять в реликтовом лесу. Нам про этот лес рассказывали ещё в Москве:

– В Абхазии сохранились удивительные реликтовые сосны. Считается, что они остались неизменными с доисторических времен, как папоротники. У них огромные иголки, сантиметров по пятнадцать, шишки же ещё больше.

И вот наконец-то я увидела эти легендарные деревья. Я была потрясена. Рядом с этими соснами я почувствовала себя гномом из сказки:

– Думаешь издалека, что впереди обычная сосна. Подходишь ближе и понимаешь, что каждая её иголка длиннее твоей ладони, шишки почти как маленькие кабачки. И, кажется, что это не сосна такая большая, а ты вдруг уменьшилась, как Алиса в Зазеркалье.

Так я потом рассказывала об этой роще своим друзьям в деревне у костра.

В этом лесу был какой-то странный, удивительный воздух. Казалось, что он очень плотный, и струится, как вода. Я даже

видела это марево.

Было необычным всё: гигантские иголки сосен, пьянящий запах разогретой смолы, густой воздух. Словно бы в фантастическом романе, этот лес случайно, через «дыру во времени», попал в наш век из времён динозавров. Гуляя между сосен, я чувствовала себя настоящим путешественником во времени.

До сих пор у меня хранится шишка реликтовой сосны. Как сувенир из эпохи динозавров...

Колючка

Бабушка мне рассказывала невероятную историю:

– Я однажды собирала малину и не заметила, как уколола палец. А потом у меня в пальце выросла малина.

Мне сразу же представлялось, как из бабушкиного пальца торчит настоящий малиновый куст. Это было для меня настолько же неправдоподобно, как дерево, выросшее у оленя на голове из вишнёвой косточки. Бабушка смеялась:

– Это только так называется «выросла малина». На самом деле, выросла такая шишка, утыканная колючками.

– И где же она сейчас?

– Я её распарила и вырвала.

И бабушка показывала мне шрам на пальце. Хоть шрам и был настоящим, я так и не верила, что колючки малины могут расти в человеческом теле.

В Абхазии, гуляя в устье реки Гумисты, мы с мамой упали в кусты ежевики. Я потянулась за ягодой и стала падать, а мама меня пыталась удержать. Край берега осыпался, и мы провалились в ежевичные заросли.

Иголки мы выковыривали из рук ещё долго. Но, видимо, я достала их не все. Потому что уже зимой одна из них проросла у меня в пальце. Я никогда не верила, что это возможно!

А колючка взяла и проросла. Вырос такой бугорок, из которого торчали в разные стороны иголки. Если надавить, то

они очень кололись.

Года два я её ковыряла, эту колючку – а она всё прорастала и прорастала. Всё-таки однажды, распарив в ванной, я выдрала её «с мясом» навсегда...

Когда я показываю шрам от колючки, все снисходительно улыбаются. Тоже, наверное, вспоминают оленя и барона Мюнхаузена, как я когда-то...

Шторм

Неожиданно начался шторм. К морю подойти было страшно – не то, что в нём купаться. Волны уносили с собой камни с пляжа, потом эта смесь воды и камней поднималась на огромную высоту и обрушивалась на берег, растекаясь пеной. В воздухе стояла влага от брызг. Можно было бегать по самой кромке, на безопасном расстоянии от прибоя, и всё равно оказаться мокрым...

После нескольких дней шторма, мы с папой решили дойти до моря: проверить, насколько сильно штормит. Волны уже стихали. С берега они казались совсем не страшными, и папа решил искупаться:

– Не бойся, я только сплаваю – туда и обратно. Я быстро вернусь!

Но мне почему-то было очень страшно.

Когда папа попытался выйти на берег, волна накрыла его и утащила обратно в море. После нескольких безуспешных попыток, он решил отдохнуть и болтался на волнах в полосе прибоя.

Вдруг мне показалось, что папина голова исчезла с поверхности. Я стала бегать по берегу, напрягая до предела свое слабое зрение, всматриваясь в полосу пены.

Рассмотреть мне ничего не удавалось. От отчаяния и бессилия я расплакалась:

– Папа, папа!!!

Я металась в слезах вдоль прибоя. Вдруг ко мне подбежал Гурам. В руках у него была банка для червей:

– Что случилось? Почему плачешь?

Рукой я махнула в море, давясь слезами:

– Папа, папа! Он там!

Гурам быстро разделся и бросился в волны. И тоже исчез.

Этого я уже не выдержала, закрыла лицо руками и зарыдала в голос. Вдруг чья-то мокрая рука потрясла меня за плечо. Я открыла глаза и увидела папу:

– Не плачь, успокойся – вот же я. Живой и здоровый!

Рядом улыбался Гурам.

– Гурам нашёл меня в волнах, показал, как надо подныривать!

Вот так они с папой быстро выбрались на берег.

Через несколько дней Гурам научил нас всех подныривать под волну, чтобы выйти из прибоя.

Кто знает, может быть именно эти уроки Гурама помогли мне доплыть, когда спустя несколько лет я сама боролась со штормом?

Банан

На второй день после начала шторма мы поехали гулять по Сухуми и, первым делом, пошли на экскурсию по ботаническому саду.

При входе в сад меня больше всего поразили гортензии. Экскурсовод подвёл нас к огромным цветущим кустам и спросил:

– Как вы думаете, что это?

Самые обычные гортензии, которые растут на окне, здесь были огромными кустами и цвели прямо на улице. Они росли вдоль всех дорожек.

Мы ходили по саду, рассматривая диковинные растения. Гигантская араукария и бамбуковая роща, слоновое дерево и цветущие лотосы, огромная секвойя и древняя липа – всё вызывало восхищение.

Экскурсовод сделал «заговорщицкое» лицо и сказал:

– А теперь пойдёмте за мной – я покажу вам что-то необычное! Вам очень повезло, это случилось впервые! В нашем саду расцвёл банан.

Мы подошли и увидели цветок банана. Я даже не подозревала, что бананы – травянистые растения. То ли у нас в школе обошли эту тему, то ли я что-то упустила – его вид порастил меня, как ничто другое.

Длинная цветоножка свисала чуть ли не до земли. На са-

мом конце этой ножки был огромный зелёный цветок, по форме больше похожий на бутон, а выше шли круги из маленьких незрелых бананов.

Хотя это было запрещено, я потихоньку отстала от группы, прокралась через газон и осторожно потрогала цветок. Он был тяжёлый, прохладный и гладкий. Что-то было в нём магически привлекательное...

Уже гораздо позже я узнала, что так поразивший меня цветок был «ложным». Настоящие цветы, из которых получают бананы – мелкие, невзрачные и растут кругами вокруг цветоножки...

Рица

Море всё штормило и штормило. И мы снова отправились на экскурсию: на озеро Рица.

Первый раз в жизни я ехала в горы. Автобус кружил по горному серпантину. Может быть, на дороге были такие страшные виражи. А может это у нас был такой лихой водитель: всю дорогу нас прижимало то к одному, то к другому краю, как на аттракционе «Музыкальный экспресс».

Нам попался такой экскурсовод, что мы хохотали всю дорогу:

– Этот поворот я называю «обними меня»!

Так объявил наш балагур, когда первый раз все в автобусе скатились на одну сторону.

– А вот этот – «потом я тебя»!

Всех прижало к другому боку. Какое-то время автобус ехал почти прямо. И вдруг водитель резко свернул, так, что ближние к проходу чуть не попадали с мест:

– Отпусти же меня наконец!!!

Наш экскурсовод так назвал этот поворот.

Первая наша остановка была у Голубого озера. Вода в озере была действительно голубая. Это просвечивало через абсолютно прозрачную воду дно. Оно было невероятного, яркого, ослепительного цвета.

Потом мы были у водопадов: «Девичьи слезы» и «Муж-

ские слезы». Подводя нас к последнему, экскурсовод не удержался от шутки:

– Да! Так плачут водители и экскурсоводы, когда заканчивается сезон!

В самом прекрасном настроении мы добрались, наконец, до главной остановки.

– Гуляйте, фотографируйтесь! Не забудьте про сувениры! Обязательно загляните в кафе: здесь готовят настоящий кавказский шашлык! Предупреждаю: купаться в озере запрещено! Желаю приятно провести время!

Мы честно выполнили все напутствия экскурсовода. Купили сувениры, побывал в кафе, любовались озером.

Первый раз я видела горы так близко. Вдали над озером поднимались настоящие горные вершины, на них был виден снег, несмотря на лето.

Было странное чувство какой-то невесомости. От высоты слегка кружилась голова, но одновременно во всём теле была неведомая лёгкость. Эта лёгкость не покидала меня ещё несколько дней...

Горные озёра – это что-то незабываемое. Само озеро Рица, Голубое озеро, водопады и горные речки – от них осталось впечатление, как будто побывал на другой планете...

Мушмула

Место, где мы жили, было совершенно не курортное. Рядом находился важный объект: дачи министерства обороны, которые в народе прозвали «дача Гречко». Дача эта охранялась, казармы солдат стояли прямо на территории учхоза.

Весь учхоз был обнесён высоченной кованой оградой, и пускали туда только по пропускам. Хозяин нашей квартиры, Гурам, сочинил для руководства какую-то длинную историю о том, что его двоюродный брат женат на русской, а мы – её родственники, которые приехали к ним погостить. В результате нам выписали пропуска, и мы ходили к морю прямо через сады учхоза.

Чего только не было в этих садах! Вдоль дорожек стояли кипарисы и гранаты, в глубине росли огромные эвкалипты и невероятные магнолии. Было много совсем неведомых мне плодовых деревьев: шелковицы, мушмулы, алычи. Вдали виднелись плантации мандаринов, лимонов и хурмы. Все сады были расчерчены бетонными дорожками, вдоль которых росли невысокие живые изгороди из каких-то декоративных кустиков.

От калитки шла прямая дорожка, по ней мы и ходили до моря, никуда не сворачивая. Нам очень не советовали подходить к забору «дачи Гречко»: там дежурила охрана. Казармы были расположены в стороне от дорожки, посреди по-

садок мандариновых деревьев. Проходя мимо, мы видели, как маршировали солдаты на плацу или шли на смену патруля к «даче».

Близнецы Марина и Манана, а ещё больше маленькая Майя, любили сказки. И как-то раз я рассказала им сказку «Курочка Ряба». Эта сказка, в моем исполнении, так поразила всех девочек, что они ходили за мной как хвостики и просили рассказать её ещё и ещё.

В доме учхоза все друг друга знали и сплетничали, как в деревне. Новость про чудесную сказку распространилась по дому, и слушателей прибавилось. По вечерам я выходила во двор и рассказывала сказки. Послушать их собирались и дети, и подростки.

Приходил даже самый главный хулиган, парень лет шестнадцати. Он ложился на траву, подпирал голову руками и тянул:

– Алэна, расскажи ещё про золотоэ яйцо...

Мне тогда было тринадцать лет, и только детское личико и две косички выдавали во мне школьницу, а фигура была уже как у взрослой девушки. Он пристально смотрел на меня и мечтательно улыбался...

Благодаря сказкам, я быстро подружилась с местными. Девочки показывали мне, какие ягоды и растения съедобные, а какие нет. Мы ходили с ними рвать шелковицу и дикую алычу. Но больше всего меня поразила мушмула. Тот самый хулиганистый мальчишка принёс её и угостил меня.

Как она была вкусна!

Заметив, что мне очень понравилось, он стал этим пользоваться. Я знала много интересных рассказов, и детская сказка «Курочка Ряба» отошла на второй план. Но хулигану почему-то нравилась именно она.

Появляясь вечером с целым тазиком мушмулы, он говорил:

– Расскажешь про золотое яйцо пять раз, отдам всю мушмулу...

И заморожённо слушал сказку, прикрыв глаза. Думаю, ему просто нравилось, как звучал мой голос...

Детвора с восторгом слушала о курочке пять раз, а девочки постарше жутко возмущались и переговаривались по-своему. По их интонациям я понимала, что ругают они хулигана, на чём свет стоит.

Терпели они это безобразие дня три, а потом отозвали меня в сторону и предложили самим добыть мушмулы:

– Сторож учхоза живёт в нашем доме. У него есть дочь Марина, ей уже восемнадцать. Она – позор отца! Про неё сплетничает весь дом. Поносят, ругают и плюют вслед. Марина берёт ключи от калитки и по ночам бегает в казарму к солдатам. Это не сплетни! Мы сами несколько раз следили и видели, как она в темноте открывала калитку и проходила на территорию учхоза! У входа в будке горит всю ночь свет, но отец Марины обычно выпьет стаканчик и завалится спать. Когда Марина идёт вперёд, она калитку не запирает –

на случай, если придётся быстро бежать обратно! Мы проследим за Мариной, а когда калитка будет открыта – зайдём в сад и наберём мушмулы. Идёшь с нами?

Конечно же, я согласилась. На юге темнеет рано и быстро – ещё в сумерках мы спрятались у калитки и стали ждать.

Как же чудесна южная ночь! Цветы магнолии начинают необыкновенно пахнуть и как будто светятся в темноте, летают светлячки, на небе огромные звёзды, а в этот вечер была ещё и полная луна. Луна взошла довольно быстро, и стало почти светло.

И вот из тени под деревьями вынырнула женская фигура. Девушка открыла калитку, потом заглянула в окно домика охраны. Видимо, убедившись, что отец спит – растворилась в темноте сада.

Мы юркнули в калитку и через некоторое время оказались под деревом мушмулы.

Я всю жизнь видела плохо, но очки постоянно не носила, надевала только в школе. А если я шла с кем-то, то дорогу не запоминала вообще. Луна, не луна – под деревьями в саду всё равно темно. Как мы попали к мушмуле, я совершенно не представляла.

Эта мушмула была старая и огромная. Одна из девчонок взяла с собой маленький фонарик. Она им посветила, и мы увидели, что на земле мушмулы не так уж и много. У нас были приготовлены треугольные кулёчки из газеты, довольно большие: во весь лист. Мы собрали всё, что было под дере-

вом, но не набрали и половины кулька. Тогда одна из девочек забралась на дерево и стала трясти ветки, мушмула посыпалась градом.

Поднялся шум, мы перепугались. Одно дело – тихо собирать под деревом, другое дело – трясти. Шумят ветки, с треском падают плоды.

Мы быстро собрали всё, что нападало. Получилось у каждого по полному пакету. И тут вдруг кусты зашумели, и по дереву забегал луч фонаря:

– А!!! Нас засёк патруль!!!

Девчонки пустились бежать. Я, конечно, побежала за всеми, но где мы и куда бежим – не понимала.

Наконец мы оказались на бетонной дорожке, где светила луна. И тут, как назло, пакет раскрылся, и драгоценная мушмула рассыпалась. Я наспех собрала, что смогла. Осмотрелась и вдруг поняла, что никого нет, и куда бежать я не знаю. Услышав вдали какой-то топот, я подумала, что это девочки бегут, и побежала быстрее их догонять.

Долго я бегала в темноте по каким-то непонятным дорожкам, но так никого и не догнала. Постепенно мне стало совсем страшно. Вдали раздался топот, и фонари забегали по листве. Я вихрем понеслась в другую сторону. Только попасться солдатам мне не хватало!

Погоня приближалась, меня охватил какой-то ужас обреченности. Я почувствовала себя загнанной жертвой: в темноте, брошенная всеми, бегу куда-то, сослепу не разбирая до-

роги... Сейчас меня поймают, отличницу, пионерку – и с ворованной мушмулой! Зашвырнув пакет подальше в кусты, я помчалась ещё быстрее.

Мне показалось, что я увидела знакомую дорожку, по которой мы ходили к морю. Я резко повернула и со всего размаху налетала на солдата. Он то ли охнул, то ли хрюкнул и обхватил меня руками. Его пряжка больно впилась мне в рёбра, и я почувствовала, как колотилось его сердце. Он почему-то сказал:

– Попалась!

– Которая кусалась, которая кусалась...

Эта фраза завертелась у меня в голове. Солдат отстранился, взял меня за плечи и строго спросил:

– Что ты тут делаешь? Ночью, на охраняемом объекте?

– Я заблудилась...

И так это прозвучало нелепо, я пищала таким детским голоском, что мы оба прыснули со смеху. Тут его окликнули, он шепнул:

– Быстро пригнись и под куст.

– Ну, что там?

– Опять местные лазили за мушмулой, убежали!

– Проверить калитку и в казарму!

– Есть!

И топот нескольких ног стал удаляться. Солдат крепко взял меня за запястье и зачем-то сказал:

– Пройдёмте!

Это было прямо как в кино, когда милиционер говорит арестованной:

– Пройдёте, гражданка!

Оказалось, что я очень далеко убежала от калитки, пока блуждала в темноте. Мы шли и шли в лунном свете через благоухание южной ночи. На небе сверкали огромные звёзды, трещали цикады, и летали светлячки. И он держал меня почти за руку.

Кровь стучала в моих ушах. Молчание становилось всё невыносимее. Казалось, даже воздух начинает звенеть. Видимо, он тоже это почувствовал, потому что вдруг отпустил мое запястье и сказал:

– Меня зовут Алёшей.

Он так и сказал: Алёшей, а не Лёшей или Алексеем. И мы заговорили: сбивчиво, одновременно, торопливо разрушая неловкую тишину. Пока мы дошли до калитки, я узнала всю предысторию нашего столкновения. Ловили они Марину, а вовсе не нас:

– До командования дошли слухи, что кто-то из солдат крутит роман с местной девушкой. Прямых доказательств не было, решили устроить засаду и взять «на месте преступления». Но кто-то парочку предупредил, так как засада никого не обнаружила. Уже хотели расходиться, как вдруг вдалеке промелькнула какая-то девичья фигура. Меня, как лучшего бегуна, послали на перехват, чтобы перекрыть дорожку к калитке. Я бежал, а тут ты! Совсем с неожиданной сторо-

ны! И так на меня налетела!

У калитки метались в панике мои девчонки, темпераментно укоряя друг друга в том, что меня потеряли. От радости они меня чуть не до смерти затискали. Алёшу горячо благодарили, что он меня отпустил, а не сдал начальству.

Алёша разбудил Марининого отца:

– Калитка открыта, а сторож спит! В саду шпана мушмулу обтрясает!

Мы к тому времени уже спрятались, так что все проклятия сторожа посыпались на Марину. Он запер калитку и побежал, ругаясь, домой – проверить, где его дочь.

Когда взволнованная мама выбежала меня искать, мы мирно сидели у подъезда. Облегченно вздохнув, она на радостях разрешила:

– Так и быть, погуляй ещё полчаса с девочками. Только у дома!

Все мне очень сочувствовали: ведь мой пакет мушмулы погиб в пылу погони, поэтому мы честно разделили всю добычу поровну.

Всю ночь, вместо того чтобы спать, я мечтала, как мы встретимся в будущем с Алёшей. Поскольку в темноте и со слепых глаз, я его толком не рассмотрела, мне он представлялся таким же красавцем как Ален Делон...

Утром мы пошли с родителями на море и увидели солдат, собиравших мушмулу в ящики. Сколько бы я не вглядывалась, никого, похожего на Алена Делона, не заметила...

Один из них, белобрысый и конопатый, так на меня уставился! Я ему показала язык. Он почему-то расстроился...

Вечером девчонки рассказали мне новые подробности вчерашнего приключения:

– Парни узнали, что мы полезли за мушмулой, и решили нас напугать! Они взяли фонари, стали светить на деревья и кидать камни в кусты из-за забора, чтобы мы подумали, что это патруль. А всё из-за сказки «про золотое яйцо»!!!

Но самая загадка была в том, что когда сторож с проклятиями прибежал домой, Марина спала сном младенца...

С тех пор сплетникам Маринин отец гордо отвечал:

– За своими смотрите, моя ночами дома спит!

Через неделю мы уезжали. Когда за нами уже пришло такси в аэропорт, и папа грузил чемоданы, из подъезда выскочил этот хулиганистый мальчишка:

– Вот, возьми!

И он, с каким-то отчаяньем, сунул мне в руки огромный пакет мушмулы...

Недавно я искала что-то в интернете про сорта хурмы. И вдруг в картинках появилось «Учхоз Эшеры». Я кликнула на картинку и увидела. Подпись гласила:

– Учхоз, село Эшеры. Следы войны.

На фото был дом, точная копия того, где жили мы. Такая же пятиэтажка с магазинами на первом этаже. Только в этом доме не было окон, на крышах и балконах росли огромные деревья, а первый этаж, где были магазины, вооб-

ще превратился в заросли.

Я быстро закрыла картинку:

– Нет!!! Пусть это будет другой дом! Пусть все они будут живы: и смешливый Гурам, и его жена, и близняшки Марина и Манана, и маленькая Майя, и все девчонки, и тот ушастый хулиганистый мальчишка, который так любил сказку «про золотое яйцо».

Подарок

С раннего детства я очень много читала, особенно фантастики. И целыми днями пересказывала во дворе прочитанные книги. Начиная, всегда говорила:

– Сейчас расскажу один фантастический рассказ...

И называла кого-то из известных фантастов. На самом деле, я импровизировала «на тему» и никогда не запоминала свои рассказы...

В деревне мои друзья, Колька и Андрюшка, ходили за мной и упрашивали:

– Ну, расскажи, расскажи же чего-нибудь...

Слушать мои рассказы было любимым развлечением у костра...

Однажды мы пошли гулять по краю бора, вдоль Волги. На закате мы оказались на большой поляне, с которой только что уехали туристы. Они оставили очень хорошо оборудованное кострище, вокруг которого были разложены чурбачки-сидения и даже дрова. Моя соседка, Валя, сунула руку в карман:

– Ой, а у меня есть спички! Зачем нам в деревню возвращаться, давайте жечь костёр тут!

И наша компания расположилась у Волги. Мы развели костёр. Когда огонь хорошо разгорелся, все уселись вокруг огня и приготовились слушать.

В этот вечер я рассказывала особенно вдохновенно. Время летело незаметно. Уже совершенно стемнело, наступила ночь. На небе высыпали звёзды. Ветер стих, и Волга стала гладкой, как зеркало. Теперь даже плеск волн не нарушал ночной тишины.

Со всех сторон нас обступил глубокий, непроглядный мрак. Огонь костра освещал небольшой оранжевый островок. Все замерли, слушая мои рассказы. Сполохи огня выхватывали из темноты отдельные черты и причудливо отражались на них, делая всех почти неузнаваемыми. Было что-то нереально прекрасное в этих застывших лицах, обращенных к огню...

Внезапно всю магию момента разрушила Валя:

– Ребята, а есть у кого-то фонарик? Как мы через лес ночью пойдём?

Фонаря ни у кого не оказалось. Мы залили костёр водой из Волги и замерли на краю леса. Надеялись, что глаза немного привыкнут, и можно будет хоть что-то разглядеть. Напрасно мы так думали – темнота была полной.

Наш знакомый, исхоженный вдоль и поперёк, бор в этой темноте казался чем-то страшным. От одного взгляда в лес холодело в животе. Мы топтались на краю, не решаясь пойти вглубь.

Но возвращаться было нужно.

– Не ночевать же в лесу!

Ребята придумали, что делать: они отрывали кусочек бе-

рёсты и поджигали его. Пока горел огонь, мы все быстро бежали вперёд. Потом поджигали следующий факел...

Когда гас огонь, было очень жутко. Со всех сторон нас обступали темные силуэты деревьев – они казались чудовищными великанами. Мир вокруг был чужим и мистическим, как будто мы путешествовали по другой планете.

В один из таких моментов, когда мы утонули в темноте, я почувствовала, как кто-то взял меня за руку. Мне сразу стало легко и спокойно. Я уверенно пошла сквозь тьму, куда вели меня эти тёплые пальцы, бережно сжимавшие мою ладонь. Разглядеть, кто идёт со мной рядом, было совершенно невозможно, и я терялась в догадках.

Впереди начал отчаянно ругаться Колька. Отрывая очередную порцию берёсты, он выронил наш единственный коробок спичек. Ползая вокруг ствола, Колька пытался найти спички, но только царапал руки упавшими ветками.

Нам повезло: вместо спичек Колька нашёл тропинку. Радостно переключаясь, мы высыпали из леса на дорожку.

Вдруг что-то холодное оказалось у меня в руке. Те же пальцы быстро свернули мою руку в кулак и исчезли. Я сжимала в руке какую-то толстую цепочку.

Пока мы шли по тропинке, становилось всё светлее, тьма отступала. Вскоре мы вышли из леса и двинулись к фонарям деревни.

Я подозрительно осматривала всех ребят, надеясь понять, кто же держал меня за руку. Но все эмоционально обсуждали

наше приключение, не обращая на меня внимания.

Дома я рассмотрела подаренную цепочку – это был очень модный в то время самодельный металлический браслет с пластинкой. На её внутренней стороне по-английски было написано: «I love you».

Долго потом я пыталась найти дарителя браслета. Но тайна эта так и осталась во тьме...

Олимпиада

В нашей деревенской компании первый магнитофон появился у меня: родители подарили на день рождения. Всё лето я воображала и гордилась перед мальчишками. А в сентябре Андрюшке тоже подарили магнитофон.

Обычно в Москве мы не встречались: разъехались из деревни, и всё – до следующего лета. Иногда мы звонили друг другу, если случалось что-то очень важное. Андрюшка, конечно, позвонил:

– Мне магнитофон подарили. Теперь у меня тоже есть! Магнитофон-то есть, а записей почти нет.

– Хорошо! Перепишем как-нибудь мои кассеты.

Уже где-то в октябре, Андрюшка опять позвонил, радостный такой:

– На выходные родители уезжают в деревню. Бери магнитофон и приезжай! Запишем мои кассеты. А ещё я переписал у друга «Pink Floyd»!

Я «Pink Floyd» просто бредила. Так радовалась, что скоро он у меня появится! Заранее собралась, настроилась, что поеду. И вдруг в школе объявляют:

– В следующее воскресенье нужно явиться на районную олимпиаду по математике.

Как я злилась! Просто бесилась:

– Раз в кои веки решили встретиться в Москве, и тут эта

олимпиада, чтоб её! И не поехать никак нельзя! А как же мой любимый «Pink Floyd»? До лета ждать, я просто не выдержу...

Собрав кассеты, магнитофон, я, с огромной сумкой, поехала на олимпиаду. Злая, как фурия. Олимпиаду надо было писать шесть часов:

– Считай, весь день пропал...

Раздали варианты. У меня была одна мысль:

– Быстрее, быстрее! Решить и бежать.

Было такое правило:

– Если сдаёшь раньше времени, нужно решить все задачи.

Иначе не примут и не отпустят. Особо не вчитываясь в условия, я писала, что первое в голову придёт, только бы быстрее. За час всё решила, пошла сдавать. Преподаватель взял у меня работу и посмотрел так грозно:

– Не пытайтесь сбежать, я проверю. Если что-то не решено, не отпущу!

Сидел, листал. Я на месте подпрыгивала, стремилась уехать. И чудо случилось: он меня отпустил. Даже олимпиада не смогла мне помешать переписать мой любимый «Pink Floyd»!

Через неделю в школе объявили, что я заняла первое место в районной олимпиаде по математике. Торжественная линейка, грамота, аплодисменты...

Потом передали варианты в школу для разбора в классах. Смотрела я на них, как будто в первый раз видела. Вообще

не понимала, как могла такое решить. Словно кто-то другой их за меня сделал...

Аза

Родители моей подруги Марины были геологи, и папа летом ездил «в поле»: в экспедиции. Однажды он привёз щенка сибирской лайки, ему его подарили. Вернее, не его, а её – Азу.

Аза была очень красивая: белая с рыжими пятнами по спине и бокам, хвост – тугим колечком. Утром Маринин папа сам выгуливал Азу, а вечером с ней гуляли мы.

Как-то раз я зашла погулять с собакой. Через дверь мне было слышно, что в квартире творится что-то невообразимое. Аза лаяла, младшая сестра кричала диким голосом, Маринин папа тоже, и в квартире были шум и топот. Я позвонила в дверь, Марина сразу выбежала с Азой, и мы пошли гулять. Уже на улице она мне рассказала, в чём дело.

Её младшая сестра никак не отвыкала сосать палец. Папа пожаловался на это сотрудницам на работе:

– Дочь всё время сосёт палец! Мы и ругали, и уговаривали, и палец бинтовали. Ничего не помогает!

– А вы натрите ей палец острым перцем! Раз лизнёт – навсегда забудет!

Достать в Москве зимой острый перец в те времена было невозможно. Зато на окне у них росло несколько декоративных. Маринин папа, не сказав ничего маме, взял и натёр палец младшей дочери этим перчиком. Как она заревела, толь-

ко лизнув! Пришлось ему признаться во всём:

– Это я ей палец перцем натёр!

Чтобы прекратить поток упреков, папа решил доказать, что ничего такого страшного в этом перчике нет:

– Да что тут такого? Подумаешь, палец натёр! Вот смотри, я целый сейчас съем!

Как раз, когда я позвонила в дверь, был самый разгар событий. Маринин папа носился по квартире с высунутым языком и кричал:

– Воды!!!

Аза решила, что с ней играют, и бегала за ним с громким лаем. Сестра ревела, а мама отмывала ей палец и язык под струей воды.

Когда я вечером заходила, то ждала в коридоре. Аза в нетерпении скулила под дверью, а Марина, как всегда, металась. При этом мы болтали или обсуждали новости, от чего сборы еще затягивались. Слышимость в доме была феноменальная, и все наши разговоры доносились до её родителей.

И вот однажды мы обсуждали, можно ли будет Азу натренировать, чтобы она таскала лыжника, как Карус. Марина утверждала, что можно:

– Когда Аза взматерится...

Тут из комнаты выглянул со смехом её папа:

– Если вы ещё часик прособираетесь, то Аза точно взматерится!

Долго потом Марина оправдывалась, что хотела сказать:

– Когда Аза вырастет и станет взрослой, матёрой собакой.

Мы, конечно же, рассказали эту историю во дворе. Она имела такой успех, что ещё много лет в нашей компании ходила присказка: когда Аза взматерится...

Поход

В студенческие годы мои родители были заядлыми туристами: у них в институте подобралась целая компания байдарочников. Потом у всех родились дети, и молодёжная группа на время развалилась.

Считая, что я уже достаточно выросла для походов, родители решили возродить былую компанию. Всю зиму они готовились, созванивались и встречались со своими друзьями-туристами. Наконец сложилась примерная группа для сплава: родители с такими же детьми-подростками.

Но чем ближе к лету, тем меньше оставалось желающих. В конце концов, билеты для поездки купили только мы и ещё одна семья с двумя детьми. За день до отъезда они позвонили и сказали, что не поедут. Но мы всё равно решили идти в поход, пусть и втроём...

Планировалось высадиться в верховьях Лузы, потом идти по Югу и, добравшись по Сухоне до Великого Устюга, вернуться оттуда на поезде. Дача, деревня, море – так я проводила до этого лето. Поход был чем-то новым и неизведанным для меня.

С огромными рюкзаками, байдаркой и палаткой мы приехали в город Лузу. Какой-то мужчина на мотоцикле с коляской в несколько приёмов довёз нас до берега реки. Мы собрали байдарку и отправились вниз по течению.

Первые дни прошли в моей борьбе с веслом: синхронно грести не получалось. Но вскоре я так натренировалась, что иногда родители сидели, а я гребла. Правда, причитая:

– Поработили ребенка! Сидят сложа вёсла, а я везу всех!

В самом начале пути берега были оживленные: мы часто проплывали мимо больших деревень. Иногда к нам на огонёк причаливали местные рыбаки и рассказывали у костра свои байки. Но потом деревни стали попадаться всё реже и реже.

Как-то, уже под вечер, мы увидели, что собирается гроза. Небо занесло, всё потемнело. В густых сумерках мы пристали к берегу и быстро поставили палатку. Только закончили таскать вещи, как начался ливень. Мы заснули под шум дождя.

Первым проснулся папа. Он разбудил нас словами:

– Кажется, палатка промокла!

Мы посмотрели, и точно: весь пол был в больших мокрых пятнах.

Снаружи светило солнце. Я выбралась из палатки первая. То, что я увидела, навсегда осталось в моей памяти, как самая великолепная картина. Палатка стояла на большой поляне. Вся поляна была покрыта сплошным ковром ягод лесной земляники. Огромные, бордовые от спелости, они были везде, куда хватало глаз...

Для меня увидеть столько земляники было невероятным чудом. На даче в Конаково, да и в деревне тоже, земляника

была большой редкостью, её собирали по ягодке. Найти целый стебель, с которого ещё никто не сорвал нижнюю ягоду, было большой удачей. А тут! Безбрежное море земляники!

Я издала какой-то нечленораздельный вопль восторга и кинулась есть ягоды. Мама с папой, заслышав мои восторженные вопли, тоже выбрались посмотреть:

– Что там такое?

– Ах! Вот это да!

Мы задержались на этой стоянке на два дня. Когда есть землянику мы уже больше не могли, мама стала перетирать её с сахаром. На это ушёл весь сахарный песок, который мы с собой взяли, а земляники как будто и не убыло.

Волшебным ароматом пропахло всё: наши руки, посуда, палатка. Те пятна, которые папа принял за протечку от дождя, были соком земляники. В темноте мы поставили палатку прямо на ягоды...

Снявшись с земляничной поляны, мы поплыли довольно медленно, осматривая берега в поисках места, где бы можно было пополнить запасы сахара. Наконец-то в глубине показались дома. Мы пристали к берегу и пошли к деревне. Чем ближе мы подходили, тем яснее становилось, что с деревней что-то не так. Деревня была мертва. Зброшенные дома и покосившиеся колодцы, заросшие грядки, пустые хлева...

В домах всё было на месте. Остались занавески на окнах, горшки и ухваты у печек, на крючках одежда, на столах посуда, в сараях грабли и вилы. Было тоскливо и жутко ви-

деть эту картину. У меня возникло какое-то чувство, что всё это неправильно, так не должно быть. Захотелось немедленно починить эти заборы, распахать снова грядки, вдохнуть жизнь в эти дома...

Было загадочно и жутко:

– Что стало с людьми? Зачем они оставили вещи? Может, собирались вернуться, но что-то им помешало?

Переговариваясь почему-то шёпотом, мы пошли к байдарке и отчалили от этого страшного места.

Заметив следующую деревню, папа пошёл на разведку уже один. Вернувшись, только рукой махнул:

– Опять «летучий голландец»...

Мы плыли и плыли, а вокруг не было ни одной живой души. Только заброшенные деревни. Потом папа сверился по карте. От земляничной поляны и до первого жилья мы проплыли больше шестидесяти километров...

По реке сплавливали весной лес. Путь брёвен был огорожен плотами-понтонками. Мне очень нравилось бегать по ним. Это было почти, как ходить по воде: идёшь себе по самой середине реки, не замочив ног.

Весь поход мы ели рыбу. Папа ловил её всю дорогу: на донку, на «тюкалку», на спиннинг. Тем утром, высадив меня побегать на понтоне, они с мамой ловили на спиннинг. Папа грёб, а мама тащила блесну.

На дне было много топляков, и спиннинг часто цеплялся. Я с понтонки наблюдала, как спиннинг у мамы в руках вдруг

выгнулся дугой и застопорился:

– Стой, кажется, зацеп!

Мама стала дергать леску в разные стороны, пытаясь освободить блесну.

Леска немного ослабла, и тут мы все увидели пасть. Огромная зубастая пасть появилась из воды, оторвала леску и исчезла в глубине. Я застыла потрясенная. С понтона я рассмотрела пасть лучше всех. Казалось, что рядом промелькнула акула, до того огромная и страшная была эта рыба.

До ужина мы обсуждали эту гигантскую щуку. А вечером нас ждало новое приключение.

Река была не широкая. Мы встали лагерем на высоком берегу, а противоположный был пологий и песчаный. Мы ужинали, когда увидели, что к воде на том берегу несётся огромный треугольник каких-то зверей.

Папа меня очень напугал, когда закричал:

– Это, наверно, одичавшие собаки из брошенных деревень! Они хуже волков, потому что не боятся людей!

Мама тоже испугалась и бросила в костёр разом все дрова, которые мы запасли на завтра. Взметнулось такое пламя, что осветило противоположный берег.

– Уф! Кабаны!

Папа облегчённо выдохнул.

Огромное стадо кабанов пришло на водопой настоящей «свиньей». Первым был огромный вожак. От него треугольником расходились взрослые поменьше, наверное, свиньи.

А весь центр был заполнен полосатыми поросятами. Видимо, наше соседство им не понравилось. Постояв несколько секунд в нерешительности, вожак хрюкнул и огромным прыжком повернул назад. Стадо ринулось за ним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.